

РОМАН БУЛГАР

Пропавшее кольцо императора

І. ХОЖДЕНИЕ В ВЕЛИКИЕ БУЛГАРЫ

Роман Булгар

**Пропавшее кольцо императора.
I. Хождение в Великие Булгары**

«Издательские решения»

Булгар Р.

Пропавшее кольцо императора. I. Хождение в Великие Булгары /
Р. Булгар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831835-1

Еще в первом тысячелетии на берега Волги и Камы пришли издалека многочисленные племена и народы. Шли народы с племенами гуннов, широко расселились они на берегах Днепра, Черного и Каспийского морей. После распада Великой Булгарии Кубрата народы разделились, пошли своими путями-дорогами. Проникли одни на Балканы и создали Болгарское царство. Другие ушли в сторону города Пешта на Дунае. Третьи поднялись вверх по Волге, создали могучую Волжскую Булгарию... Великие Булгары... Кто они?

ISBN 978-5-44-831835-1

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава I. Утренняя прогулка	6
Глава II. Государство – это мы все	14
Глава III. В ремесленной слободе	28
Глава IV. Схватка с Топтыгиным	35
Глава V. Рассказы о русичах	41
Глава VI. Булгары и русины	48
Глава VII. Подарок эмиру	53
Глава VIII. Поход на Великий Устюг	60
Глава IX. Прости меня, Суюм...	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пропавшее кольцо императора I. Хожение в Великие Булгары Роман Булгар

© Роман Булгар, 2016

© Лилия Пичукина, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-1835-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Булгарская княжна

Глава I. Утренняя прогулка

Теплые солнечные лучи, ласковые и шаловливые, проникли в зеленую опочивальню. Пробрались украдкой в комнату, протиснулись они сквозь небольшие круглые отверстия.

Искусные мастера постарались на славу. Обычно оконца затягивали мутновато-желтоватой бычьей пленкой или же их закрывали кусочками полупрозрачной слюды. А через нее, как ни гляди, ничего толком не видать. А вот это решетчатое окно закрыли настоящими стеклянными пластинками затейливой формы и размером с большую тарелочку.

Тончайшие и почти невесомые зеленоватые китайские шелка сверху и донизу покрывали все каменные стены. С высокого потолка, словно занавес, перегораживая покои, до самого пола свешивалось огромное светловато-зеленое полотно. На украшенном тщательно подобранной и подогнанной цветной мозаикой полу раскатали огромный персидский палас с яркими зелеными узорами. Напротив широкой двери поставили высокое ложе из темного резного дуба. Над ним зелеными арабскими знаками по яркому белому шелку нанесли святыя письма.

У изголовья ложа, над высокими лебяжьими пуховыми подушками, на кованой серебряной цепочке качалась золотая голова волка.

Покой обитателя этой комнаты и чутко оберегали святыя молитвы, исполненные по законам новой веры, и бдительно охраняли языческие талисманы, на всякий случай оставшиеся от незапамятных времен.

Рядом с ложем высился изящной работы столик из красного дерева. На нем красовалась небольшая золотая шкатулка, бережно хранящая внутри себя немало драгоценностей. В углу притаился огромный сундук из мореного дуба, покрытый пластинками из червленого серебра.

В глиняных светильниках, подвешенных к потолку и устроенных посреди комнаты на резных деревянных подставках, неярко горело черное масло. Сизый дым дрожащей и извивающейся струйкой уходил наверх, под самый потолок, вытягивался из комнаты посредством хитро скрытого от постороннего взгляда вентиляционного отверстия.

Светлоликий лучик-шалунишка ярким пятнышком на цыпочках и неслышно пробежался по стенке, оттолкнулся от нее, опустился ниже по кривой дуге и ласково, тихим дуновением слабого ветерка, коснулся нежного овала личика юной девы и озорно отпрыгнул. Теплое дыхание солнца пробудило спящую красавицу.

Открыв глаза, она сладко потянулась, звонко рассмеялась и быстро вскочила. Подобрала края своей длинной ночной рубашки из тончайшего китайского шелка, звонко шлепая босыми ногами по отполированному до зеркального блеска рисунку мозаики, дева пробежалась по комнате.

Попутно она толкнула девушку-подростка, прикорнувшую в темном углу за льняной занавеской на широкой деревянной лавке.

– Гюль, соня, вставай! – капризно притопнула красавица ножкой. – Мыться! Одеваться!

– Да, госпожа, уже встала... – тихо-тихо пробормотала молоденькая служанка-рабыня, поспешно соскальзывая со своего жестковатого ложа, усердно протирая кулачками заспанные глазенки, нагибаясь и открывая сундук с одеждами. – Госпожа, что наденешь, какое платье тебе подать?

– Костюм для верховой езды...

Ярко-бордовый солнечный овал показался из-за дрожащей облачной сумеречной дымки над недалеким бугром за широкой рекой. С ленивой неохотой поплыл он от одной верхушки высокой разлапистой сосны до острой маковки соседней ели, что вымахала повыше своей соседки.

Пока овал, тяжело вздыхая после спячки, с ленцой тянулся вверх по стволам вековых деревьев, просмотрел он и пропустил момент, когда две стройные фигурки проворно сбежали с заднего крылечка дворца и направились к конюшне. Шагали девы туда, где их уже ждали конюхи, держали за поводья двух кобылок: белую, всю в яблоках – для госпожи и каурую, чуть ниже ростом – для ее спутницы...

Протяжно позевывающий стражник, стоявший у ворот, еще издали заметил приближающихся к нему всадниц. Проглотив очередной зевок, вой поспешил опустить вниз подъемный мостик через глубокую, наполненную темноватой и тухловатой водой канаву.

Рукотворный ров широко опоясывал внутренний город, в котором проживал эмир, его близкие родственники, допущенные к управлению государством, верховное духовенство и богатые купцы.

Глазастый воин поспешил кулаком стереть с кругловатого, пухлого лица покрывавшую его сонливость и одним движением ладони глубоко вовнутрь загнал подступавшую и выворачивающую скулы зевоту. Он рьяно придал своему лицу выражение подобострастной почтительности.

Всяк в их великом граде знал, по крайней мере, слыхивал о любимой племяннице все-сильного владыки. Ей позволялось вельми многое, если и не более того, и одно слово девы могло стоять головы.

Из уст в уста при ежедневной смене караула зловещим шепотком передавалось предупреждение-предостережение от глупой оплошности, что приключилась с незадачливым стражником не далее как три луны назад. Напасть содеялась с воротником, не узнавшим в стремительно подскакавшей к нему всаднице любимицу их все-сильного владыки.

Позволил себе вой в несчастливый для себя час продержать девушку до прибытия своего начальника караулбаши. И за непомерную дерзость его и для пущей остротки другим дурня нещадно побили батогами.

Скачущая впереди своей рабыни, Айша была единственной дочерью родной сестры Булгарского эмира Ильхама Юсуфа ибн Салима. Ильхам взшел на трон после смерти своего отца Салим-хана.

Про это ведали все. Не всем было известно, что царствующий брат в свое время отдал свою любимицу Суюм замуж за Махмед-бека, чтобы тем самым склонить на свою сторону, усмирить непокорного вассала.

Племена Суvara одними из последних вошли в состав булгарского государства на реке Итиль. Окончательно потеряли свою независимость они всего лишь около двух с половиной столетий назад.

Владетельный князь всех земель Суvara, получив самый прекрасный цветок из рук своего повелителя, превратился с того дня в ревностного слугу и о коварной измене отныне поамест не помышлял...

Стража, стоявшая у главных ворот внешнего города, зевала и лениво переговаривалась. Охрана мысленно готовилась к скорой смене, которая вот-вот последует после первого призыва муэдзина к утренней молитве.

Следом за совершением намаза появится их караулбаши – начальник караула и отправит отстоявших смену воинов на заслуженный отдых.

Вдали тонко прозвенел колокольчик. Гордые верблюды, суетливые их погонщики, лошади и волы, низко пригнувшие крупные головы, все несчастливцы, кто не успел попасть в город еще с вечера и вынужденно заночевал за высоченными крепостными стенами, с утренней ленцой повернулись в сторону запевшего колокольчика. Их полку прибыло.

Вдали на пустынной причудливо извивающейся дороге завиднелся черный осел. Многим поначалу показалось, что животное бредет одно, само по своей воле. Но вскоре всем стал хорошо различим и медленно плетущийся за ослом бородатый человек, устало уцепившийся за хвост своей безмолвной скотины.

Одет он был в длинный и рваный плащ. На уши путник натянул вылинявший на солнце цепеке высокий колпак дервиша с белой повязкой странника. Серовато-грязная тряпка свидетельствовала миру о том, что носитель и обладатель оной побывал в священной для всех мусульман Мекке, уважаемый всеми и почитаемый паломник, совершивший хадж.

Среди простого люда дервиши издавна пользовались уважением. В переводе с персидского слово оное означало «нищий».

Носили дервиши плащи, умышленно покрытые множеством грубых заплат и перевязанные веревкой – знак добровольной бедности.

В незапамятные и в давние-предавние времена среди дервишей было много странствующих по свету выдающихся лекарей, поэтов, ученых, занимающихся философскими вопросами и несущих просвещение.

Простолюдины не знали, что с годами многие из них превратились в ушлых и нагловатых тунеядцев, нещадно эксплуатирующих народную темноту и повсеместно процветающее невежество. Прохиндеи лечили тяжелобольных выдуманными заговорами, молитвами. Они занимались гаданьем, торговлей талисманами и обычным шарлатанством...

Погоняя тонкой тростинкой своего осла, весь обожженный солнцем путник медленно подошел к толпе понуро стоявших людей.

– Дервиш Хаджи Хасан Багдади приветствует вас, о почтеннейшие жители сей незнакомой мне страны. Кто скажет мне: как зовется страна и город, куда привел меня мой верный друг? – дервиш с невозмутимым видом на лице ткнул скрюченным и почерневшим пальцем с длинным желтым ногтем в своего черного осла.

– Твой вернейший и мудрейший ишак, правоверный путник, – едва раскрывая потрескавшиеся губы, проронил один из возчиков, – привел тебя в город Биляр – столицу Великой Булгарии.

Прошагавший не одну неделю араб, наконец-то услышав желанный для его обветренных и опаленных солнцем и непогодой ушей ответ, заметно оживился. Он суетливо заторопился:

– Где же сторож сего великого града? Почему же он не пускает нас? Солнце стоит высоко!..

– Эмир наш еще спит, – тихо хмыкнул погонщик быков. – Сторож боится разбудить его грубым скрипом моей арбы...

Выехав через ворота внутреннего города, Айша и ее юная спутница гордо прогарцевали по длинным и кривым улочкам внешнего города, проскакали вдоль ремесленных слобод. Нигде не задерживаясь, никем не остановленные, юные девы подъехали к запертым воротам.

Заметив их приближение, начальник караула заторопился. Презрев излишнюю тучность, набранную за долгие годы стояния на крепостной вышке, тягуче-спокойного течения службы и обильного питания, мелко перебирая кривоватыми ножками, он, придерживая одной рукой кривой меч, спустился со стены. Семена, караулбаши подбежал к всадницам, подобострастно склонился в низком верноподданническом поклоне:

– О, высокородная Принцесса, вы сегодня столь рано!

– Открывай! – надменным голосом произнесла дева, лишь слегка и высокомерно скосив свой презрительный взгляд в сторону стража.

В ее угрожающе сузившихся глазах буйно закипал гнев. Презренный раб осмелился выказать ей непочтительное замечание!

Чувствуя нетерпение своей хозяйки, белая в яблоках кобылка нервно заиграла под ней. Вытанцовывая, лошадка заходила, высоко приподняв голову, громко заржала, подгоняя нерасторопного стража.

– Открывай! Открывай! – понукая, замелькала рука караулбаши.

Заскрипела черными звеньями длинная кованая цепь, отпускаемая барабанным поворотным механизмом. Его приводили в действие дюжие воины. Дощатый настил перекинулся через глубокий ров.

«Цок-цок-цок», – веселой дробью застучали подкованные копыта двух кобылок, понуждаемых к ходу поводьями, умело натягиваемыми цепкими девичьими ручками.

Вздывая густую придорожную пыль, Айша галопом промчалась сквозь собравшуюся толпу. Ее полный безразличия взгляд плыл поверх низкой черни, покорно ожидавшей своего часа. Не оборачиваясь назад, она прекрасно знала, что въездные ворота снова медленно закрывались.

Ничего нового не происходило. Не обратила Айша внимания на то, как пара пристально-внимательных и цепких глаз проследила за ней до тех пор, пока она и ее служанка не скрылись за поворотом.

– Что же за юный оглан-царевич проехал перед нами, сверкнув своей статью и неписаной красотой? – не преминул осведомиться дервиш у общительного возчика.

– То поехал не царевич, чужеземец, – нагнув голову, глухо произнес погонщик быков, – ты ошибся.

Поостерегся человек с длинным кнутом в руке сказать всю правду. Одно дело – безобидная шутка со стражем ворот, другое дело...

О, Аллах, нужна крайняя осторожность. Так и недалеко до того, чтоб поплатиться за свои неосторожные слова, угодить в гости к кади. А у того суд скорый и праведный...

– Кто же он, юноша, – араб слегка удивленно приподнял густую бровь, – перед которым открылись негостеприимные ворота? И снова они незамедлительно закрылись!

Низко наклонившиеся к утоптанной тысячами копыт и ног матушке-земле, потрескавшиеся от солнца и ветра уста едва слышно шепнули:

– То не юноша, чужеземец...

– А кто же он? – нескрываемое удивление нарисовалось на доселе невозмутимом, покрытом темным загаром лице путника.

Небольшая серебряная монетка, незаметно выскользнула из сухой ладони дервиша. Сверкнув на мгновение в лучах солнца, денга успела сотворить маленькое чудо и щедро наполнить безрассудной смелостью сомневающееся сердце погонщика лениво жующих волос.

– Наша Принцесса, луноликая Айша, любимица нашего эмира...

– Ш-ш-ш! – прошелестело рядышком невидимой угрозой.

Извечный страх и трепещущая боязнь испуганно оглянулись. Да вот слова уже вылетели. Назад их никак не вернуть и не поймать...

Давно проснулись певчие птицы. Урманы наполнились радостными звуками. Свежий ветерок шевелил молодыми зелеными листочками.

Парнишка лет пятнадцати, может, и шестнадцати, сын кузнеца Гали, устало перебирая босыми ногами, возвращался в Биляр с самых дальних лугов. Заки ушел из дома еще накануне, с самого раннего утра. Он, как только приоткрылись городские ворота, прошмыгнул мимо стражников, шустро побежал, одержимый одной, не дающей ему покоя, целью.

Рассчитывал мальчишка обернуться туда и обратно за светлое время, но не успел. Не думал он, что в поисках заветной железной руды зайдет настолько далеко. Пацана манили места, где по заберегам неприметной среди окружавших ее ручьев небольшой речушки текли ржавые ручьи – верный признак железа. А железо – кормление всей их большой семьи.

Созданные прежде запасы подходили к концу, а их потайное место, откуда они два года привозили руду, вконец истощилось. Осталась одна пустая порода. И возня с нею – напрасная трата времени...

Хорошо, думалось Заки, что дальний поход его не прошел впустую, и он нашел то, что искал. Иначе бы гремучей беды ему не миновать.

За то, что ушел он без спроса и не явился домой ночевать, быть ему нещадно стеганным ивовым прутиком. За главой их семьи наказание не заржавеет. А нынче он возьмет и покажет отцу кусочек руды, и черные тучи над его бедовой головешкой мигом рассеются. Начисто сдует их зловещую шаль счастливым ветром замаячившей удачи.

Крутящаяся в голове мысль окончательно согрела душу и озябшее за ночь худенькое тело. Малай весело улыбнулся. Он придирчиво оглянул себя и огорченно покачал головой. И было от чего...

На босых ногах узором присох налет ржавчины, а его белая рубашка и пестрые шаровары – в желтых разводях. Не мешало бы ему привести себя в порядок: искупнуться и застирать вымазанную одежду.

Свернув с узкой тропки и проделав небольшой крюк, Заки вышел к реке Билярка. Первым делом парнишка любовно и тщательно отмыл добытый им кусок железистой руды, потер руками перепачканную одежду. Вышло у него не ахти как, да сойдет, авось мать и не заругает.

Охнув, мальчишка окунулся в реку и тут же выскочил, обожженный ее студеной водицей. Видимо, недалеко били подземные ключи.

Стуча зубами, он принялся натягивать на себя сырые портки, и от их прохлады стало еще зябче. И начал, было, Заки открывать во всю ширь рот, чтобы блаженно заорать во весь голос и криком чуточку согреться, да тут рядышком с ним раздались конское ржанье и фыркание.

И тогда мальчишка, мигом позабыв о пронизывающем его насквозь холоде, проворно юркнул в прибрежные кусты и, хоронясь, затаился.

Не хватало только нарваться на рыскавших повсюду воинов эмира. А у мрачных стражников разговор простой: хватай всех подряд и живо кидай в сырую темницу. Потом разберутся, кто да что...

Испуганные глаза мальчишки широко раскрылись, и он вдруг увидел на берегу двух юных дев в воинских доспехах, опоясанных небольшими кривыми мечами. Та, что казалась постарше, держала за поводья двух лошадей. Сколько Заки ни всматривался, никого другого он поблизости не обнаружил и начал уже потихоньку успокаиваться.

На смену ледящему душу страху постепенно пришло неизменное детское любопытство. Стараясь не шуметь, малай раздвинул мешающие ему смотреть шуршащие стебли камыша и замер.

– Госпожа, не делай сего! – воскликнула перепуганная служанка.

– Молчи, Гюль! – отмахнулась юная дива.

Упал на прибрежный песок небрежно откинутый в сторону меч в дорогах и украшенных затейливой арабской вязью золоченых ножнах. Туда же в полном беспорядке полетели кожаные доспехи.

– Чур, меня, чур! – беззвучно прошептал Заки.

Мальчишку словно ослепило пламенем: сияя, будто молодой месяц, перед ним, стоит лишь протянуть вперед руку и можно достать, стояла лучезарно красивая девушка. Пушистые ресницы от еще не прошедшего возбуждения из-за быстрой скачки подрагивали. На нежных ее щеках ярко играл свежий румянец. Под тончайшей накидкой едва угадываемо трепетали

от дыхания упругие юные груди. Направленный вдаль взгляд дивы излучал необъяснимо загадочное сияние. От ее одежд и девичьего тела исходил тончайший аромат молодых, в самом цветении, лип.

– Госпожа, я... я умоляю тебя! – несчастная служанка, протягивая руки к юной повелительнице, рухнула на колени. – Ты простудишься и заболеешь. Эмир прикажет отрубить мне голову.

– Он не сотворит сего. Но если ты, Гюль, сейчас рассердишь меня, – глаза девы гневно сверкнули, – то я сама попрошу его примерно тебя наказать. Будешь впредь знать, как дерзко перечить мне...

– О, госпожа! – рабыня рухнула на колени, простерлась ниц.

Неторопливо отстегнув многочисленные крючки, застёжки и запоны, богато отделанные дорогими камнями-самоцветами, Айша сбросила с плеч короткую накидку.

– Ну! – госпожа повелительно сдвинула брови и выставила вперед изящную ножку, обутую в кожаный сапожок.

Безропотно повинувшись, служанка стянула обувь с ног девушки и развязала нижние тесемки на шальварах. Ничто не скрывало красоты молодого тела, лишь парочка ожерелий, браслеты и кольца... да тонкий прозрачный шелк короткой сорочки.

– Ух! Ух! – девушка вошла в воду и парочку раз присела.

Мокрая материя плотно облепила младое тело и стала совершенно невидимой. Мальчишеские глаза прилипли к крепким острым грудям с торчащими от холода сосками. Его всего заколотило.

Чуть позже малая пронзила мысль о том, что он пропал. После всего того, что он увидел на берегу, ему не жить. Мало того, что бессовестно пялился своими бесстыжими глазами на их юную Принцессу, что само по себе уже являлось величайшим грехом, но и, о, ужас! – он оказался невольным свидетелем того, как она купается, едва ли не нагишом.

Ему точно отрубят голову и, возможно, поступят так не единожды. А для затравки ему выколют зенки. Те самые бесстыжие глазища, которые посмели нагло лицезреть запретное диво. Отрубят руки, что раздвинули плотные камыши. Отсекут ноги, что притащили его на эти берега.

Припал, прижался Заки к земле и вертлявым ужом пополз прочь от кромки воды в затеплившейся надежде убраться подальше, в крохотном уповании на то, что его не приметят, на то, что неминуемую беду как-нибудь, да пронесет. Руки и ноги его без усталости работали, а губы сами по себе безостановочно и беззвучно шептали молитвы, одну за другой, все молитвы, какие он только знал.

Тонкая мальчишеская шея чересчур явственно чувствовала на себе прикосновения омерзительных жирных пальцев палача и леденящий холод острия его большущего топора на длинной ручке.

Малаю показалось, что отполз достаточно далеко, и он приподнялся на четвереньки и задвигал руками и ногами еще шустрее.

Собственное пыхтение и производимый его движением шум и треск не позволили осознать, что за ним гонятся, преследуя его сверкающие в густых зарослях голые пятки. Настолько велики оказались его желание спастись и надежда на то, что ему удастся уйти от справедливой кары.

– Попался! – раздался над его ухом торжествующий крик, что-то больно ожгло его плечо, и парень обмер от охватившего его ужаса.

Пока он полз вперед, от обморочного страха не раскрывая глаз и не разбирая дороги, Принцесса с помощью служанки ловко облачилась.

Отдохнувшие лошади в несколько скачков преодолели разделявшее их расстояние. И зоркий взгляд Гюль легко разглядел мелькнувшую в кустах воровато ускользящую тень.

Девушка чуть тронула поводья, и умная кобылка сразу отозвалась на еле уловимое движение своей всадницы, круто свернула с узкой тропки вбок, едва не раздавив своими копытами ползущего мальчишку.

– Ты... ты кто? – грозно выкрикнула Айша, выхватила из ножен меч и приставила его к груди пойманного незнакомца.

Ее гневный взгляд недвусмысленно свидетельствовал о том, что она сама на месте изрубит дерзкого смельчака, посмевшего следить и, хуже того, без всякого стыда подглядывать за нею.

– Я... я сын кузнеца Гали, – моргая широко раскрытыми глазами, с запинкой залепетал в душе окончательно расставшийся с жизнью малай. – По прозвищу Тимер. Его в слободе все знают...

– И что ты на реке шастаешь?! – подозрительный взгляд прошелся по пареньку, но девичья рука, направляющая меч, чуть ослабла.

Если оный малай, мнилось деве, нарочно наблюдал, следил за ними, спрятался на бережку заранее, то ему несдобровать.

– Я железо искал...

Юная девушка мучительно мыслила. Ей подсознательно стало жалко оборванного мальчишку. Стоит ей сказать всего одно словечко, и тогда судья-кади приговорит его к смертной казни. Может, ей просто никому не говорить? Сделать вид, что ничего соромного не произошло?

– Почему ты полз, как воришка, а не шел на своих ногах, как ходят все честные люди? Значит, совесть твоя нечиста и прячется от кади?

Сосредоточившая все внимание на трясущемся от страха мальчишке, Айша не видела, как ее сохранявшая выжидательное молчание верная служанка внезапно отчаянно замахала руками. Показывала то на себя, то на Принцессу, мотала головой, подавала недвусмысленные знаки.

– Я шел и услышал, – медленно начал Заки, не спуская глаз с Гюль, – ржанье лошадей и подумал, что скачут воины эмира и кого-то ищут.

– Скажи-ка, ты знаешь, кто я, – юная дева приставила острие меча к судорожно дернувшемуся мальчишескому горлу, – и что полагается тому, кто встретится мне на пути и перейдет мне дорогу?

– Ты, – Заки прикрыл глаза, тонкая жилка на шее нервно забилась от присутствия холодного жала, – наша прекрасная Принцесса Айша. Мне тотчас вырвут язык, отрубят мне голову, если мои слова покажутся тебе дерзкими и непочтительными.

– Ты что, малай, боишься смерти? – вкрадчивым голосом спросила девушка, гнев которой давненько иссяк, а в душе осталось одно только любознательное любопытство.

Царственный дядя не раз говорил ей, что смерти у них боятся все и управлять большим государством можно только тогда, если над каждым человечком неотвратимо нависнет не знающий жалости топор палача.

– Мне будет легко... умереть... – выдохнул мальчишка.

– Почему? – дева удивленно моргнула.

Неожиданный ответ несказанно удивил Айшу. А ей-то беспрестанно твердили, что смерти боятся все без исключения, что цари, что смерды.

– Потому что я видел тебя...

Отчаянно закачала головой Гюль, и мальчишка испуганно и громко ойкнул. Он тупо проговорился. О чем мечтала его глупая башка, когда позволила его длинному языку сболтнуть кощунственную вещь?!

– Когда и где? – шумно выдохнула дева.

На мгновение Айша задержала свое дыхание. Ничто не сможет более спасти глупого малая, если он видел, как она вошла в воду. Жалко, но ничего уже не поделать, ибо их законы превыше личного...

– Вот тут, перед собой, – глаза у мальчишки правдиво моргнули, и служанка облегченно вздохнула. – Такой я тебя перед тем, как мне отрубят голову, и запомню. Там, на Небесах перед Аллахом, твой облик будет всегда стоять перед моими глазами. Я буду счастлив...

Юная Принцесса едва придавила усмешку на задрожавших губах и сверху вниз покосилась на застывшего в напряжении мальчишку.

Врет нагло паршивец, хотелось ей знать, или же не врет? Но за одни его верткие слова он достоин если и не прощения, то хотя бы надежды.

– Храбрый же ты батыр, бесстрашный, – по девичьим губам все-таки скользнула едва уловимая усмешка. – Нашел ты то, что искал?

– Нашел.

– Покажи...

Долго вертела девушка в нежных руках тяжелый комок с неровными краями. Кусок затвердевшей земли. И ей хотят втереть, что из земного праха куют острые ножи и прочные мечи? Мальчишка, верно, ей лжет, пытаясь спасти свою шкуру. Но его вранье легко можно проверить...

– Я желаю, – Айша привстала на стременах и повелительно подняла правую руку, – сама увидеть, как ты из него откуешь мне меч.

– Госпожа, не гневайся! – Заки упал на колени, наклонил голову. – Но из этого кусочка может выйти лишь небольшой нож. Руды маловато для большого меча...

В ответ дева озадаченно приподняла тонкие брови. Она-то сама не знала, не ведала, сколь потребно руды. Может, малай и не врет?

– Хорошо. Желаю собственными глазами увидеть, что ты говоришь мне правду. Если ты нагло солгал мне, то завтра тебе отрубят голову. Нет, сегодня же. Но сперва тебе вырвут твой лживый язык...

Приняв удобное и приемлемое компромиссное решение и совершив, таким образом, сделку со своей совестью, Айша передала кусок руды служанке. Гюль незамедлительно опустила его в дорожную сумку.

Предусмотрительно подстраховалась она на всякий крайний случай, чтоб шустрый мальчишка не обманул их и не подменил твердый комок окаменевшей земли на настоящее железо.

Жалко будет, конечно же, понравившегося ей малая. Да вот решения принимает ее госпожа. А от нее лично ничего не зависит.

– Жди меня после полудня, – повелительно прозвучал мелодичный голос Принцессы. – Я найду кузню твоего отца. Но ежели тебя там не окажется, то берегись топора палача...

Быстрым шагом, временами переходя на легкий бег, Заки двигался за двумя всадниками. Руки его предусмотрительно связали тоненькой бечевкой, длинный конец которой приторочили к седлу служанки Гюль.

В душе он не переставал благодарить всемилостивейшего Аллаха за то, что с ним пока что не случилось несчастья еще более страшного...

Глава II. Государство – это мы все

Любимая сестра эмира вошла в спальню дочери и, не найдя ее, укоризненно покачала головой. И до чего же упрямая и непослушная девчонка растет! Вся пошла в отца.

Женское сердечко тревожно застучало. О, Аллах! Невольно она сама затронула свою самую сокровенную тайну, ту, о которой никто не знал, тайну рождения своей дочери.

Для всех ее девочка Айша – дочь Махмед-бека. Но на деле все не так и далеко не так. Воспоминания нахлынули на нее волной, обрушились бесконечным ворохом, бросили шевелящиеся тени на лицо изумительно тонкой красоты, и Суюм, вздохнув, присела на мягкое ложе.

Ей, должно быть, исполнилось около четырех, когда русский князь внезапно появился с сильным войском возле их границ.

В лето 1205 Всеволод Юрьевич Осиное Гнездо, нарушив их мирный договор, вероломно вторгся на территорию булгар и злодейски пожег многие городишки и селения. Нанес огромное разорение приграничным областям, многих жителей князь увел с собой в полон.

Эмир Салим, их любимый отец, отправил семью на север, в верховья реки Кама или Чулман-су, как булгары ее сами издревле называли.

Лишь через год они вернулись вместе с матерью в Биляр, когда все поутихло и немного успокоилось.

Нанесенный удар оказался столь неожиданным и сокрушительным, что понадобилось время, чтобы оправиться, навести должный порядок среди поднявших коварную и предательскую смуту беков, учувших временную слабость эмира.

После череды неудач булгарского войска, возглавляемого государем, многие непокорные беки подло воспользовались смутным моментом и попытались отложиться от своего владыки и повелителя.

Многие народы и племена до сих пор еще живо помнили о вольных днях, время от времени затевали междоусобные свары, шли на эмира...

Своевольные и непокорные вожди многочисленных племен Суvara и барситов объявили о своей независимости, вовсе перестали подчиняться государю и отказались выплачивать ежегодную дань.

Настали тяжелые времена. В довершение ко всему, старый эмир слег от непонятного недуга. Поговаривали, будто его отравили недруги.

Именно в те самые смутные дни в угоду государственным интересам и принесли красавицу Суюм в жертву. Сестра эмира, увы, не первая в мире женщина, отданная нелюбимому мужчине в угоду далеко идущим планам мужчин. Частенько у них так поступали, сплошь да рядом...

После кончины отца на трон сел старший брат Суюм, Ильхам. Он с самого своего рождения уже обладал несколькими именами, которые дали будущему наследнику престола, видно, для того, чтобы тем самым обмануть всех злых Духов и тем отвлечь от будущего владыки многие предначертанные на его голову несчастья.

Как таинственно шептали тучные имамы, тяжкие беды запутаются в поисках уготованного им человека. Для всех иных старший брат носил имя Ильхам. Для ближних родственников он с детства был Юсуфом.

Столько воды в Чулман-су утекло с той поры, однако Суюм хорошо помнит тот злосчастный день, когда эмир вызвал ее к себе и на Малом семейном диване-совете неожиданно объявил о своем решении:

– Мы повелеваем, чтобы наша сестра вышла замуж за Махмед-бека.

Судьбоносные слова прозвучали, хлопнули, как резкий удар хлыста. Она покачнулась, черные круги, медленно расплываясь, пошли перед ее глазами. Худшей доли для себя Суюм

и не могла бы придумать. Глава племени Суvara был грузен и некрасив. Беку давали далеко за все сорок.

На ее побледневших и подрагивающих от жгучей обиды губах еще гуляла не успевшая стереться почтительная улыбка, а в самой глубине красивых девичьих глаз-омутов появилась, заполоскалась смертельная тоска. Жизнь ее, не успев начаться, стремглав покатилась к закату.

– Мой царственный брат желает, чтобы я исполнила его волю? Но пусть он знает, – девушка гордо выпрямила свою прекрасную головку, – что для меня лучше умереть, чем стать женой Махмед-бека.

Сжав тонкие губы, эмир хлопнул в ладоши, объявляя об окончании заседания Малого дивана, на который приглашались самые доверенные и близкие к правителю люди. Когда из комнаты все вышли, он поднялся с трона, подошел к одиноко стоявшей сестре.

Объявляя судьбоносное решение, эмир предполагал, что встретит с ее стороны ожесточенное сопротивление, и приготовился к схватке.

– Дорогая Суюм...

– Ты нынче говоришь со мной... – девушка гневно сверкнула своими горящими глазами, упрямо вздернула гордый подбородок и медленно отвела его в сторону, – как эмир или брат?

Если стоящий перед нею человек желает говорить с нею как владыка ее, читалось в девичьих очах, она не проронит в ответ ему ни словечка.

– Я хочу поговорить с тобой как брат.

– Хорошо, мой любимый брат, – ее взор смягчился, – я слушаю тебя.

– Дорогая Суюм... – рука царственного брата бережно опустилась на ее подрагивающее плечико. – Я нашел для тебя жениха...

Пушистые девичьи реснички пришли в волнительное движение. Для нее нашли жениха. Но эту новость она уже слышала. Может, эмир все еще находится в нерешительности? Может, он отменит свое решение...

– Юсуф, мой дорогой и любимый брат, – в необъяснимой надежде жарко выдохнула она, – ты же знаешь, что мое сердце несвободно, что я люблю другого человека.

– Да, я знаю, – эмир презрительно сощурился. – Сей наглец набрался вселенской наглости и сегодня утром просил у меня твоей руки.

Спрятанное в высокой упругой груди сердечко испуганно екнуло:

– Он просил у тебя моей руки?

Девичьи щеки вспыхнули и запылали алой краской. Полгода всего назад на туе в честь очередной победы она познакомилась с молодым красавцем Ахмед-бием. Вернее, в тот день она заметила в толпе самых приближенных к государю новое лицо и мельком обратила на него свое внимание. Празднества продолжались. Ежедневно устраивались скачки, всевозможные воинские состязания и общие охоты.

Во время бесконечных развлечений Суюм не раз довелось с глазу на глаз повстречаться с понравившимся ей джигитом, обменяться с ним несколькими шутивными фразами, с виду ничего не значащими.

С каждой новой встречей красивый и статный юноша нравился ей все больше и больше. И она вскоре с удивлением и с некоторой легкой досадой почувствовала, что образ того джигита все прочнее овладевает всеми ее помыслами.

И дня одного не проходит, чтобы ей не захотелось с ним встретиться и увидеться. И в сердце ее думы только о нем, о нем...

И то же самое творилось и в пылкой душе Ахмед-бия. Но на днях Суюм заметила, что джигит избегает глядеть на нее, и неожиданно для самой себя она была крайне поражена происшедшей с ним разительной переменой. Суюм сама подошла к нему.

Как и прежде, юноша приветливо улыбнулся ей, но она обнаружила, как тотчас в его черных и глубоких, как омут, глазах отразилась столь великая скорбь, что девичье сердечко

защемило. Суюм осознала то, что, должно быть, случилось нечто неприятное. Смутное чувство вкралось в ее душу, и оно громко говорило о том, что оно может касаться их обоих.

– Что с тобой, мой храбрый джигит? – участливо спросила она, когда они оказались вдали от всех любопытных ушей. – Я заметила или мне лишь показалось, что тебя гнетут дурные мысли?

– Тебе показалось, прекрасная Принцесса, – деланно засмеявшись, Ахмед отвел взгляд в сторону. – Нет у меня на сердце никакого горя.

– Твои глаза, – Суюм, укоряя, покачала головой, – говорят мне иное, мой храбрый джигит!

В одной книжке, привезенной из далекого Рума – Константинополя, она прочитала, что глаза – это зеркало человеческой души. Правда, один шепелявый мулла настойчиво уверял ее совсем в обратном, мол, их очи предназначены для того, чтобы вводить в заблуждение врагов.

Но она ничуть не поверила мулле. У честного и хорошего человека глаза никогда не врут. По ним можно разобрать, как по написанному.

– Глаза наши, – юноша попытался увести разговор в сторону, – как погода, ханум: иногда в нашей душе светит ослепительное солнце, и тогда они смеются. Но бывают и облачные дни, и тогда они хмурятся.

– Да, но, – возразила она, нисколько не поддавшись на его уловку, – облака не приходят сами. Их приносит с собой шатун-ветер. И печаль тоже не приходит сама собой. Скажи, что ее принесло к тебе?

– Наверное, ветер, – не сразу ответил Ахмед. – Но он же и унес ее...

Широко взмахнув рукой, юноша усмехнулся и поднял на нее свои глаза, которые вымученно и через силу улыбались ей.

Но за натянутой и деланно беспечной улыбкой скрывались скупые мужские слезы. Они влажной хмарью собирались в уголках его глаз.

– Зачем ты меня обманываешь? – она посмотрела на него с укором. – Если не хочешь сказать мне всю правду, то ты не говори, промолчи.

– Суюм-джан...

Всем своим нутром она чувствовала, что джигит готов ей открыться, но что-то неведомое ей всесильно сдерживает его.

– Не надо, ничего не говори. Я ведь понимаю: кто я такая для тебя, чтобы ты стал поверять меня в свои тайны?

В ожидании Суюм затаила дыхание. Поймет ли он правильно то, что хотела она ему сказать на самом деле или же не вникнет в самую суть...

– Суюм-джан...

– Ты поверь мне, джигит, что я расспрашиваю тебя не из простого любопытства, а потому что всей душой желала бы помочь твоему горю.

– Я тебе верю, ханум. Но моя печаль-тоска касается нас обоих. Я прослышал про то, что Махмед-бек собирается свататься к тебе...

В ту минуту подумала она, что имеет дело с досужими слухами, и не стала придавать им особого значения. Но Ахмед, на их беду, оказался прав. И он даже опрометчиво решился просить у брата руки ее.

Выходит, Ахмед сильно любит ее. И нисколько не сомневается в ее ответном чувстве к себе. Но он, видать, не подозревал о той опасности, которая могла его ожидать. За отчаянную смелость джигит мог запросто лишиться своей бедовой головушки...

– И что ты ему ответил? – Суюм снова напустила на себя гордый и независимый вид. – Ты, надеюсь, не покарал джигита за его дерзость?

– Мне следовало бы проучить наглеца, – эмир недобро усмехнулся, – примерно, чтобы другим наглецам неповадно стало. Наказать, бросить его навечно в темницу или приказать отрубить ему его бесшабашную голову. Но мне, дорогая Суюм, не хотелось бы причинить тебе новую боль. Я лишь сказал ему, что он опоздал и твоя рука уже несвободна.

Из девичьей груди вырвался глубокий вздох. О, Аллах, такого удара она бы не перенесла, но стать женой ненавистного ей правителя Суvara выйдет для нее несчастьем отнюдь не меньшим, а еще более горшим.

– Какие мы все стали заботливыми! – горестно воскликнула она, в отчаянии заламывая изящные руки, повисшие в воздухе немим укором. – Отдав меня Махмед-беку, ты не мог мне сделать еще много больнее.

– Сей союз, – глаза у Юсуфа медленно холодели, обретали твердость металла, – нужен для всего нашего государства.

– Вот в тебе снова заговорил эмир, – Суюм огорченно вздохнула. – С таким тобой невозможно говорить. Ты глохнешь, перестаешь понимать человеческие слова. Я порой теряюсь в догадках: куда подевался столь любимый мною брат? Куда же утащили его злые джины, подменив на бессердечного эмира? Прости меня за мои слова, повелитель Ильхам...

И столько неприкрытой жгучей издевки, перемешанной с горестным изумлением и ярким недоумением, выплеснулось бурным фонтаном, что Юсуф вздрогнул, как от жалящего удара плетью.

Любимая сестра в своем густо пролившемся отчаянии хлестнула его со всем бессердечием, попала в самое больное место, вызвала его гнев.

Уже приподнялись вверх его руки, чтобы три раза громко хлопнуть в ладони и отдать беспощадный приказ... Но он удержался. Перед ним стояла сестра, которую он любил больше всех на этом свете. И лишь только ей он мог простить все то, что ненароком услышали его уши.

– Ахмед-бий, – отдышавшись и потихоньку выпустив свой яростный гнев, произнес он, – тебе не пара. Пойми же, сестра...

– Он, мой брат, – она растерянно моргнула, – приходится Махмед-беку внучатым племянником. Его род столь же знатен...

Указательным перстом девушка легонько коснулась правой брови. В последние минуты она совсем перестала понимать эмира.

Ей никак не удавалось взять в толк, где же упрятаны логика и связь. Чем же уродливый Махмед-бек лучше писаного красавца Ахмеда?

– Его род, – мужские губы презрительно скривились, – потерял все свои земли и все богатства. С ними никто не считается. И другое дело – Махмед-бек. Ты станешь хозяйкой Суvara. Твои дети будут править их бескрайними и богатыми землями.

– Сего никогда не случится! – выкрикнула она в сердцах, представив себя в одной постели с жестоким и безобразным беком.

– Дорогая Суюм. Ты должна подчиниться, иначе...

– Иначе, – девичьи глаза задрожали, покрылись влажной пленкой, – иначе ты казнишь меня, мой любимый царственный брат? Я приму, – Суюм опустилась на одно колено, – любое твое наказание. Смерть будет для меня лучшим избавлением от уготованной мне тобою участи...

Нежная девичья шейка покорно вытянулась, словно бы девушка уже взошла на predetermined ей злою судьбою эшафот.

– Иначе, – эмир нежно приподнял сестру, взял ее подрагивающие ладошки в свои крепкие руки, – нашу страну ждут великие беды. Если ты откажешься...

– Ежели я откажусь, то Махмед пойдет на тебя войной? – внезапная догадка озарила Суюм.

И из-за этого она должна стать женой мерзкого, противного ей бека? Пусть же брат покажет коварному уродцу, кто владыка и повелитель!

– Уничтожь его! – с кипящей злостью и ненавистью выдохнула она.

– Он подчинил себе все племена Суvara и барситов. Он силен...

Моргнув, опустили девичьи глазки. О, Аллах! Последние надежды стремительно угасали, наткнувшись на горькую истину. Нет, Юсуф сам не начнет кровопролитной войны. Он постарается откупиться ею...

– Ты, – тяжкий вздох безысходности вырвался из девичьей груди, – ты легко кидаешь меня в жертву, отдаешь на заклятие, как жертвенного барашка? Ты хочешь обменять меня на мир. Как бездушную вещь...

Безутешная Суюм горько качнула головой. Какая жестокая гримаса безжалостной судьбы. Ее царственный брат не хочет, он боится новой междоусобной войны между родами...

– Моя дорогая сестра, ты же должна понимать, что твое положение обязывает тебя думать, прежде всего, о нашем государстве.

– Государство?! – полные недоумения глаза девушки стремительно прощлись по комнате. – Что оно такое? Ты скажи мне...

– Государство – оно мы все...

Девичьи глазки ярко вспыхнули, недоуменно расширились. Суюм непонимающе воскликнула:

– Ты владыка и повелитель. Тебе принадлежат все права.

– Дорогая моя Суюм, жизнь наша сложна и противоречива. Порой, к сожалению, в ней прав именно тот, у кого сила, а не тот, у кого есть права, полученные по рождению, но, увы, у кого в руках нет той самой силы для того, чтобы всеми своими правами обладать в полной мере...

Плотно обнявшись, они присели, как делали раньше, когда играли в счастливую пору их беззаботного детства. Эмир негромко рассказывал:

– ...Давным-давно, сестра, когда нас с тобой на земле еще не было в оном злом и беспощадном мире, наши давние предки обитали в далеких степях. Их войлочные жилища всегда были полны изобилия, радости и земного счастья. Во многих битвах и сражениях они защищали своих детей и свои жизни. И никто не мог сказать, что они были неправы в своем естественном желании жить, жить и радоваться. Они-то были совершенно правы. И те, кто вскоре явился на нашу землю, были правы своей несокрушимой силой. Их правда и права, увы, оказались сильнее. Наши предки полной мерой и до самого дна испили из горькой чаши страданий и несбывшихся надежд. Бесприютными скитальцами племени отправились по свету искать себе новую родину, подгоняемые вперед многими другими народами...

Осознавшая то, как мало она знает, девушка прикрыла глаза. Никак не могла она понять, почему никто не говорил ей про то много раньше. Утаивали о том, что существуют в их мире не одни только радости.

Суюм всегда казалось, что стоило лишь высказать свое пожелание, капризно притопнуть ножкой и все мигом, как в сказке, исполнится.

Глядя на нее, построжавшую, Юсуф усмехнулся и продолжил:

– ...Наши предки явились в эти места не затем, чтобы снова уйти и искать себе другого места. Никуда с этой земли не двинусь и я. С порога нашего дворца ты видела лишь малый лоскут нашей земли. Твои мысли и твои поступки направляет не сама мудрость, а норов разбалованной девчонки. От того, что наши роды вечно в распрях и ссорах, нет выгоды ни мне, владыке и повелителю, ни самому маленькому племени. Горе и беда незримо стоят на пороге каждого их жилища. Представь себе все, подумай, постигни истины нашей жизни, тогда твоими мыслями начнет повелевать мудрость. Она, может, подскажет тебе и иные, чем прежде,

желания. Ты перестанешь громко порицать меня, будешь моим первым помощником. Мы станем с тобой единым целым...

Поднимая голову, Суюм тяжело вздохнула. Как же ей все это тяжело и невыносимо непонятно. Лучше бы родиться ей в семье бедного пастуха. Вот бы бегала она свободно по бескрайним заливным лугам. Без оглядки на всех встречалась бы она со своим любимым...

Старший брат мягким движением повернул к себе удрученное лицо своей младшей сестренки, безмерно расстроенное, с наворачнувшимися на глазках прозрачными слезинками-изумрудами.

– Ты, должно быть, моя дорогая Суюм, все еще дуешься на меня, все думая: почему именно ты должна это сделать, смириться перед волей брата и выйти замуж за нелюбимого тобой человека? Зачем мы должны уступить Махмед-беку, принеся тебя в жертву? Но такова наша жизнь: мир наш держится на острие меча и тонком жале стрелы. Каждый ищет богатства не на своей земле, а зарится на чужое. Пусть хотя бы тысячу раз прав тот, кто защищает свое поле, потому что он от зари и до зари ходит за ним, обильно поливает своим потом и слезами. Но все едино урожай соберет тот, у кого в руках войско и сила...

И, как бы отважны люди ни были, все равно в одиночку никто свою волю не убережет. Именно робкая свобода и станет первопричиной их неминуемой гибели. И лишь свобода под могучей властью владыки и повелителя, свобода, щедро данная им из его крепких рук, оградит их от грядущего разорения. Тогда племена и роды наши обретут новую силу, и державе нашей прибавится непобедимого могущества...

И пусть кто-нибудь посмеет пойти против единой державы! Моя любимая сестра, ты постарайся укреплять свой дух мыслью о том, что на берегах наших рек каждый должен быть связан единой волей. Огляди весь наш мир не только из окна своей комнаты. Посмотри шире, увидь, как навсегда соединяют свои воды Итиль и Чулман-су, где перекрестье не только двух могучих рек, но и сплетение навек жизней и судеб всех наших родов и племен. Вслушайся, сестра, в самую природу, посмотри, как разумно устроен весь наш мир! Тысячи рек, речушек и родников, у истока которые легко переступит глупая курица, текут и из всех сил стремятся прибавить силушку одной великой реки! Следуя врозь, они никогда не достигнут большой воды, высохнут по пути. А влившись в Итиль, они отдали ему свою силу и взяли себе его мощь. Поэтому и нет в мире иной другой реки, которая могла бы сравниться с нею!

Все народы и племена, кто обитает по берегам наших рек, должны встать рядом, обрести такую же объединенную мощь и силу...

Ты, моя дорогая и любимая сестренка, должна обратить силу рода Сувар не против нас, а поставить ее рядом с нами. Размышляй не только о себе. Переживай о других. Оглядывая мир, беспокойся не о малом и суетном – ты размышляй и думай о великом...

– Я поняла тебя, – слезы текли по ее щекам, – мой царственный брат. Я безропотно выполню твою волю... – Суюм осознала, что никуда ей не деться, ничего с решением брата не поделать, и ей ничего не остается, как только смиренно подчиниться своей судьбе.

Случилось и свершилось то, чему предначертано было неотвратимо случиться. Свадебный туй длился на протяжении двух недель.

Горделивый и спокоен удовлетворенный тем, что стал обладателем самой прекрасной женщиной во всей их могучей державе, Махмед-бек повез юную жену в свой город Сувар.

Рядом с ним на коне ехала вовсе не та девушка, какой она была всего месяц назад, а на многие годы повзрослевшая женщина, вобравшая в себя необходимую мудрость управления большой державой.

С непраздным интересом рассматривала Суюм мощные укрепления большой крепости. В некоторых местах они вытянулись в два ряда.

На плоской вершине внешних насыпных валов установили частокол из заостренных сверху огромных и толстых бревен. Перед ними вырыли глубокий ров, заботливо наполнили его темной водой.

Местами канава в ту жаркую пору, конечно, обмелела, и там, на дне, хорошо проглядывались остро заточенные колья. Муж Суюм неплохо подготовился к защите на тот случай, если он объявит войну своему суверену. Не зря ее царственный брат опасался начала войны. Сувар мог выдержать долгую осаду, изнуряя осаждающие его войска эмира. А тем временем коварные заговорщики могли нанести удар со спины...

На внутренних земляных валах недавно возвели двойные дубовые стены. Над ними горделиво возвышались башни, из которых то и дело выглядывали хорошо вооруженные воины.

Должно быть, именно оттуда во время приступа они начнут осыпать осаждающих тучами острых стрел и копий, сбрасывать вниз огромные камни и бревна, лить на головы неприятеля кипяток и горячую смолу.

Хитрый и коварный, злобный и злопамятный Махмед-бек имел всего лишь одну слабость – он был влюблен в нее до беспамятства и потакал ей во всем, охотно выслушивал и выполнял все ее пожелания.

В душе Суюм смирилась со своей участью и покорно приняла мужа на брачном ложе. Она закусилась до крови алые губы, чтоб не закричать от гадливости и отвращения. Законы веры велели стать ей послушной мужу во всем, покорно исполнять супружеские обязанности.

– Моя прекрасная газель! – высокая кровать протяжно скрипнула под тяжестью жениха. – Я едва дождался ночи...

Бедная Суюм вжималась в ложе, старательно унимала судорожную дрожь, прокатывающуюся по всему ее телу, натянутому от брезгливого отвращения. Слюнявые поцелуи мужа вызывали в ней приступы рвоты, к ее горлу подступил горький тошнотворный комок.

– Ты родишь мне наследника! – донеслось до ее пылающих от стыда ушей, и она с ужасом почувствовала, как мужские ладони раздирают ее сжатые колени, бесцеремонно разводят их в стороны.

Сжимаясь от обморочного страха в бесчувственный комок, Суюм не ощутила, что в поведение ее мужа вкрались суетная поспешность и предательская неуверенность. В самый ответственный момент мужская сила покинула бека, коварно оставила его одного на поле брани.

Как Махмед ни пытался, сколько ни ерзал он на жене, причиняя ей боль, ничего у него не выходило. Никак ему не удавалось разрушить ее естественную преграду, лишить Суюм девственности.

– Козочка моя! – прошептал мужчина и тяжело откатился в сторону. – Я сгораю от любви к тебе! Мне нужен глоток вина!

Вдохнув полной грудью, девушка поблагодарила Небеса за данную ей передышку. Приоткрыв глаза, она сквозь реснички наблюдала за тем, как ее муж сполз с их высокого ложа, грузно переваливаясь, прошлепал к небольшому столику, заставленному напитками и яствами.

– Тебе налить? – донеслось до нее.

– Нет! – тонко выкрикнула Суюм, хотя губы ее пересохли от жажды. – Иди ко мне, муж мой...

Несчастной девушке хотелось, чтобы предстоящий кошмар поскорее закончился бы и от нее отстали бы, оставили бы ее в покое.

– Я иду! – бек приоткрыл резную коробочку, вынул из нее искусно изготовленный заменитель его постыдно испарившейся мужской силы.

Мужское тело приблизилось, и девушка снова прикрыла свои глаза. Тупой и твердый предмет безжалостно раздирал ее внутренности. Суюм от режущей боли вскрикнула и потеряла сознание.

На простынке расплывалось красное пятно. Бек отбросил в сторону окровавленный инструмент, исправно сослуживший свою службу.

– Радость моя! – бормотал Махмед, устраиваясь поверх жены.

С остальным он способен был справиться и сам. Он сумеет оросить своим семенем лоно красавицы-жены, и она принесет ему наследника...

На следующее утро бек приказал принести в ее покои резной ларь с драгоценностями. Щедро он отблагодарил ее за подаренные ему радость и счастье обладания самой прекрасной женщиной их державы. Вечером он снова посетил супружеское ложе.

– Моя газель, – бек навалился на жену всем своим грузным телом, – твоя красота затмила солнце...

– Мне больно! – тяжело выдохнула Суюм.

Как и накануне, твердый и тупой предмет раздирал ее незажившие ранки, безжалостно наносил новые повреждения.

– Немного терпения, моя газель! – увещал ее бек, меняя положение и выбрасывая в дальний и темный угол диковинную штукуну.

Суюм страдала и терпела...

На третью ночь мужчина непритворно удивился:

– Моя газель, тебе пора привыкнуть. Спать с мужем – обычное дело. Любящим женам оное в охотку и в радость...

Искушенный в любовных забавах, ее муж недвусмысленно давал ей понять, что или с ней что-то не в порядке по женской части или же она попросту не любит своего мужа.

– Я привыкну, мой господин! – женские губки изобразили улыбку. – Я уже ощущаю надвигающуюся усладу.

Умная женщина нашла выход. Она закрывала глаза и представляла себе, как посоветовала ей старая служанка, воспитывавшая ее с самых пеленок, что она лежит с другим, что кто-то другой целует ее, ласкает...

– Желанный мой! – в полузабытьи шептали ее уста.

Оставаясь одна, Суюм горько плакала. Находясь рядом с мужем, она излучала полное удовольствие. Женщина играла роль. Ради спокойствия своего государства ей надлежало покорно следовать судьбе.

Перебирая драгоценности, Суюм наткнулась на тяжелое ожерелье и долго не решалась взглянуть через него на свет.

Сквозь горькие слезы, застилавшие взор, смотрела Суюм на темные рубины, на которых, как ей казалось, запеклась невинная кровь...

– Как я его ненавижу! – прошептала она.

Суюм ненавидела и терпела...

Через год она родила мальчика. Но бедняжка Муратбек появился на свет слабым и хилым, не прожил и двух недель. Зачатое не по любви, а в насилии дитя не выдержало позора жизни и отправилось на Небеса.

– Наш сын недолго радовал нас! – опечалился бек.

И малости для Суюм стало достаточно, чтобы она увидела, какими страшными и уродливыми вырастут ее дети, рожденные от мужа.

Кривые, коротковатые ножки. Головенка схожая с тыквой. Большие торчащие уши. Мясистый бесформенный нос. Она поняла и ужаснулась, передернулась от тошнотворного отвращения. И все ее будущие дети станут ей вечным напоминанием о ее несчастливой судьбе...

– Лучше бы мне самой умереть! – женщина издала горький стон.

О, Всемилостивый Аллах! Как ей с этим жить-то дальше? И если бы дело заключалось в одном физическом уродстве владельца Суvara.

С этим-то она могла бы, в конце концов, и смириться. Со временем они ко всему привыкают, и взгляд перестает замечать все столь остро...

Однако иметь мужем хладнокровного убийцу всех своих ближайших кровных сородичей, денно и нощно жить со свербящей мыслью стало невыносимо. Она вскользь, чтобы досадить ему, обмолвилась о роковой участи родственников мужа в присутствии Махмед-бека.

– Твои родичи, мой господин, один за другим отправились на тот свет. И, мнится оное мне, что не без твоей помощи...

Владетельный бек широко улыбнулся. Нисколько не смущаясь, муж привел ей пример, ужасающий по своей бессердечности:

– Моя прекрасная газель, в оном нет ничего нового и удивительного. Подобным образом поступает и лев – царь всех зверей. Когда молодой самец подрастает и набирает достаточно сил, он силой прогоняет прочь старого и ни к чему непригодного вожака и убивает все его потомство, съедает всех его детенышей, оставляет в живых лишь молодых самок.

– Поэтому, – ее глаза потемнели, налились смертельной тоской и горечью, – ты, чтобы захватить власть, убил всех своих братьев?

– Зато, моя газель, – бек впился в ее губы жадным поцелуем, – никто не угрожает твоим будущим детям. Нарожай мне много детей...

Не сразу, но до Суюм дошло. Пока им, ее детям, ничего не угрожает. Пока они еще не родились. Пока они еще не выросли. Пока жив их отец – Махмед-бек. А после его смерти начнется новая кровавая резня.

– А после твоей смерти они вырежут друг друга, – тоскливо кинула она убийственные слова – приговор.

В ответ бек промолчал, покатав желваками. Пока они живы, многое им подвластно. Но будущее не в их власти. На потускневшем лице мужа Суюм, как по написанному, прочитала предначертанное ее детям.

Будто воочию, она увидела, как на ее глазах, рано постаревших от пролитых горьких слез, подростки начнут насмерть бороться за наследство, доставшееся им от ушедшего в мир иной отца.

Победит в ожесточенной схватке самый сильнейший, хитрейший и подлейший. Такой, каким был их отец. Не приведи Аллах, дожить ей до страшных дней, увидеть кровавый кошмар своими очами...

– Скажи, Махмед, – тихо, почти не дыша, спросила она, – отчего умерла твоя последняя жена?

Застигнутый врасплох ее неожиданным вопросом, бек нахмурился, недовольно засопел. Про ту историю он не любил вспоминать.

– Моя газель, – глухо произнес муж, – терпение мое не безгранично!

Опрокинув в себя чашу вина, Махмед-бек посмотрел на свою жену страшными, ничего не видящими глазами. Его взгляд застыл. Он снова мысленно вернулся в те страшные дни.

Много лет минуло с той поры, когда он со своим войском навалился на соседнее племя барситов. Но он все помнил до самых мельчайших подробностей, словно еще вчера он собрал все свои разбойничьи шайки, направил их в грабительский поход.

– Каждый вой получит свою долю! – пообещал он.

И бек выполнил данное им слово, щедро наградил он своих воинов. После того, как они подло напали и пожгли почти весь город, по его приказу убили предводителя, вырезали всю его семью, жен, детей.

Долго длилась осада. Не день и не два...

Ожесточенным штурмом приходилось брать высокую крепостную стену, методично выбивать защитников из каждой башни, шаг за шагом упорно продвигаться к самому последнему укреплению барситов, где засели вождь племени и его ближайшие соратники.

– Собаке – собачья смерть! – бек нанес удар страшной силы.

Рухнул наземь перерубленный надвое старший сын вождя, и Махмед рванул на себя дубовую дверь в небольшую светлицу. В ней он нашел забившуюся в уголок юную девушку-красавицу, единственную дочку предводителя барситов. Одного мгновения хватило татю.

Понял бек, что если он женится на девке, все эти земли по праву перейдут к нему. Он станет их законным властелином...

– Бери тебя в жены! – громоподобно рявкнул бек, одним движением могучей руки разрывая тонкую материю.

Обнажились толком не сформировавшиеся юные девчоночьи грудки. Нежная кожа моментально покрылась пупырышками. Два острых соска скукожились от ледящего холода, принесенного с собой загулявшим по башне студеным ветерком – немым свидетелем насилия.

– Нет! Нет! – раздался, ударился в каменные стены, дрожа, забился в высоких потолках отчаянный вопль-крик тринадцатилетней девочки, с которой сорвали всю одежду, которую повали на холодный пол в двух шагах от окровавленного тела ее бездыханного брата.

Разгоряченный битвой насильник даже не обратил своего внимания на полный безысходности вопль несчастной жертвы, отец которой и два ее брата лежали за стенкой, и тела их еще не успели остыть.

– Нет! – дева тщетно пыталась скрестить свои худенькие и слабые коленки, уберечь свое юное тельце от надвигающегося насилия.

– Ты будешь моей женой! – бек угрожающе занес над полонянкой свой огромный и волосатый кулак.

Девчушка окончательно поняла, что участь ее уже предрешена. Она оказалась лишь бесправным орудием в руках безжалостного убийцы для достижения им еще большего могущества и власти.

Намотав на волосатый кулак длинную рыжую косу, Махмед-бек со всей злости дернул столь сильно, что девчонка вмиг задохнулась от боли. Безвольно поникла она, придавленная его тяжелой тушей. Ее сжатые в кулачки узкие ладошки безжизненно раскрылись.

Будто застывшие в ужасе серые камни с немым укором глядели на то, что творилось в небольшой светлице. Много они повидали за свою вековую историю, но такого кошмара...

– Дьявол! – мужчина весь покрылся жаркой испариной.

К нему вдруг пришло понимание того, что у него ничего не выходит. Подобного с ним раньше не случалось. Он всегда бахвалился тем, что способен в любое время завалить и покрыть понравившуюся ему девку или бабу. И никогда не имел он проблем в общении с женщинами.

– Прodelки шайтана! – выругался бек.

Позорный конфуз приключился с ним в самый неуместный момент. Если он не сможет осеменить девчонку, его прав на новые земли никто не признает. Его обсмеют. Он скоро станет вселенским посмешищем. Его перестанут бояться и уважать.

– Нет, она станет моей женой! – кривая ухмылка довольно загуляла по его обветренным и потрескавшимся губам.

Махмед выхватил из ножен свой небольшой кинжал. Раздвинув ноги беззащитной жертвы, насильник, не раздумывая, пустил в ход рукоятку смертоносного оружия.

– А-а-а! – во все стороны полетел душераздирающий вопль.

– Теперь ты моя! – мужчина остался доволен своей работой.

Тернистый путь к новым землям и несметным богатствам оказался проторен. Дело оставалось за малым. Внести мужское семя в девичье кровоточащее лоно не составило для бека особого труда.

– Ты – моя жена! – объявил он очнувшейся девчонке.

Не откладывая, бек женился на сиротинушке и присоединил к своим землям обширную область соседей. Но детей им Боги не дали. Видать, своим кинжалом насильник лишил свою жену, Алтынчэч, возможности деторождения. Поначалу отсутствие наследников сильно беспокоило Махмеда, а потом он принялся методично изводить женщину со свету.

Денно и ночью муж поносил жену, частенько поколачивал. Года два тому назад Алтынчэч бросилась с высокого обрыва в глубокий омут. И живых свидетелей, конечно, не осталось...

– Она утонула, моя радость, – Махмед-бек притворно вздохнул, – когда купалась. Я отрубил головы всем виновным в ее смерти...

По спине молодой женщины побежали нервные мурашки. Ее муж считал виновным в гибели той жены, кого угодно, но не самого себя.

Будто не он сам довел бедняжку Алтынчэч до крайнего состояния, когда та решила, что лучше покончить с самой жизнью, чем продолжать влачить унылое и беспросветное существование, делить одну постель с безжалостным упырем, убийцей всей ее семьи...

– С тобой, моя газель, подобного не случится...

Когда на руках Суюм тихо угас младенец, ее несчастный первенец, женщина с еще непонятным для себя облегчением вздохнула.

Вскоре пришло и выстраданное сердцем понимание. Ее безвинное дитя отмучилось сразу. Ушло оно, счастливо не узнав, какая злая судьба была для них всех уготована.

Хотела Суюм наложить на себя руки. Не знала, что скажет в ответ ее царственный брат, не проклянет ли в отчаянии эмир свою сестру на века за ее сиюминутную слабость, за совершенное ею предательство...

Глядя на почерневшее и осунувшееся лицо жены, Махмед-бек не трогал ее, оставил на время в покое и находил утешение с молоденькой наложницей. Вера позволяла ему иметь до четырех жен, хотя он пока и ограничивался одной Суюм в знак особого уважения к эмиру.

А количество наложниц никем и ничем не ограничивалось. За свою жизнь он еще не пропустил ни одной понравившейся ему девчонки...

Молодая женщина презрительно поджимала губы, когда служанки шепотом сообщали о новых жертвах необузданной похоти ее супруга.

– О, Аллах, накажи жирного борова... – шептала она, когда ее никто не мог услышать. – И прости меня за мои хулительные слова...

Прибыл гонец от эмира. Привез он послание, в котором повелитель выражал искреннее соболезнование зятю и любимой сестре по поводу безвременной кончины их наследника и призывал своего полководца на Высший Совет. Начиналась подготовка к большому походу. Пока еще никто не знал, в какую сторону повернет эмир копьё войны.

С несказанным облегчением вздохнула Суюм, когда Махмед выехал в столицу, и она на недельку-другую осталась одна.

Почти все время, днями напролет, думала, гадала она о том, надолго ли покинет ее супруг, если он отправится на войну. И сколько же можно попусту гадать, если проще простого сходить и спросить...

– Скажи-ка, почтеннейший, – исподволь и осторожно допытывалась женщина у ученого муллы-улема, – долог ли путь, простирающийся до Мещерской стороны?

– Неделю одну, Суюм-бикэ, – охотно отвечал ей ученый служитель Аллаху, преподававший в богословском училище, – если идти конным обозом до нашего города Ошеля, что стоит на том, на правом, берегу Итиля. Другие народы еще называют нашу реку Волгой.

– Того самого Ошеля, – на краткое мгновение нахмурились, сошлись у переносицы, вспоминая нелегкие и тревожные дни, ее тонкие брови, – что восемь лет назад захватили и сожгли русичи?

Военные столкновения булгар с русинами происходили с различной периодичностью и в прежние годы и века. Причиной довольно частых вторжений русских князей на территорию Великой Булгарии являлось желание овладеть всеми ее богатствами, которые заключались не только в пушнине, но и в зерне, которого на Руси временами было в недостатке из-за частых неурожайов¹.

– Того самого, ханум, – богослов прочитал в раскрывшихся женских глазах мелькнувшую тень прошлого. – А уже от того места дня два-три хода будет...

После недолгого молчания последовал ее вполне уместный вопрос, никак не долженствовавший вызвать особых подозрений:

– А велика ли страна Мещера?

– Как оное сказать? – мулла неопределенно пожал плечами, не ведая того, как бы проще объяснить госпоже, может быть, и спросившей ради одного праздного любопытства. – Не столь она и мала. За неделю всю сторону их конно не объедешь.

– А кто они, мещеряки? – в глазах у женщины разгорелся не просто любопытный, а сильно заинтересованный огонь. – Расскажи мне о них.

Ученый мулла-улем был разительно непохож на ее самого первого учителя, который, кроме одних сур из Корана, другого ничего не знал и толком ничего объяснить ей не мог. Долго рылся он в Священной книге, беспомощно разводил руками: «Того ни мне, ни Аллаху не ведомо».

Имелись у нее, конечно, и другие учителя. И они смогли научить ее многим языкам и наречиям. Но в жизни понимали они крайне мало.

Чему еще, спрашивается, может научить рабыня из русичей, кроме своего языка? Хотя, благодаря пленникам, Суюм понимала и довольно бегло разговаривала по-русски, по-польски и по-литовски, разбиралась немного в сложном свейском наречии. Отец собирался выдать ее замуж за русского князя или же за повелителя одной из западных держав и со всем тщанием готовил свою дочь к династическому браку.

– Я, почтеннейший, на днях видела двоих мещеряков-покупателей на базаре, – продолжила Суюм, видя, что ее собеседник все молчит, видно, обдумывая свои слова. – По обличию мещера будто на наших людей изрядно похожа, а говорит про меж себя не по-нашему.

– Они, ханум, как и мордва, – народ чудского (финского) корня. Живут тут испокон веков. Появились на оных землях намного раньше нас, булгар. Живя бок о бок в соседстве с русинами, и сами обрусели. Но многие из них перенимают наши обычаи.

– А какой они все веры?

– А-а-а, – улем ухмыльнулся, – кто да во что у них горазд.

Изумленно заколыхались длинные и пушистые черные ресницы. Как же так, один народ, а верует в разных Богов? И живут все вместе?

– Да? – женские губы расплылись в недоверчивой улыбке.

– Много среди них, что приняли по нашему примеру ислам. Иные же стали православными христианами. А кое-кто до сей поры пребывает в своем древнем язычестве.

– Живут без веры? – ужаснулась Суюм. – Как можно жить без веры?

Лишь чуток погодя вспомнилось женщине, что их предки когда-то тоже жили и верили совсем другим Богам.

– Да, поганства, ханум, у сего народа и доселе немало. Вот, взять ежели, покойников своих они не закапывают лежа, как у нас, не кладут в гробы, как русичи, а сидячими, как

¹ Здесь и далее примечания автора

есть, и закидывают сырой землей. Станный они народ. Женщин, как и у нас, к похоронам и поминкам не допускают. Женок каждый мужчина старается иметь побольше.

– Я слышала, – женщина чуть повернула голову, блеснули лукавым блеском очаровательные глазки, – что у православных разрешено иметь единственно по одной женке.

– Так мещеряки на одной бабе женятся у своего попа, а на других – у своего шамана. Но иначе им нельзя. Они по-другому не могут...

Ответив, мулла прищурился, словно испытывая свою собеседницу, может, тем самым и провоцируя ее на дальнейшие расспросы.

– Почему же? – Суюм заинтригованно подалась вперед.

– Народ они-то хлебобобный, да вот по их обычаю работать мужику самому на земле харам, зазорно. Вот они держат при себе женок, вроде рабынь. У кого земли больше, тому и баб надобно иметь много.

– И что, мужики на боку полеживают? – женский глаз прищурился.

– Нет, ханум. В поле они на своих баб все больше покрикивают. А вот, к примеру, топором орудуют больно ловко и в домашнем хозяйстве справляют дело, как и полагается. Нашим есть чему у них в том деле поучиться. Слышал я, что именно они когда-то научили наших предков строить дома из дерева...

Суюм удивленно моргнула. Выходит, ближних соседей можно не токмо грабить, но и перенимать к себе самое полезное. А она все время жила в своем тесном мире и ничего толком не знала и не понимала.

– Откуда ты все ведаешь, почтеннейший?

– Приходилось мне, ханум, бывать в их краях. Посольством ходили мы. Да и воевать те места довелось.

Высокая гостья удовлетворенно кивнула. Один край ее любопытства вполне удовлетворился. Пора ей переходить к другим соседям.

– А что вот ты знаешь про мордву? – спросила женщина, позволив ученому мулле взять короткую передышку.

– Их земли намного ниже лежат. Русичи те места еще краем Дикого Поля прозывают. Делится народ на два племени: те, что живут ближе всего к Руси, зовутся эрзи, а кто к нам ближе – то уже мокша. Первых от русичей вовсе не отличишь. Мокша обличем своим ближе к нам тянет. Видать, сказывается давнее с нами соседство. Кровь-то со временем смешивается. Одеваются они по-нашему.

– И вера у них тоже наша?

– Да нет, мало таких. Немного среди них и православных. Мордва еще крепка в своем язычестве.

– Кто же они такие, почтенный, эти язычники? Во что они верят?

Спрашивала Суюм, а сама все поглядывала на ученого собеседника своими не по-женски проницательными и умными глазами, будто прямо говорила, что с ней можно смело рассуждать на самые разные темы.

– Богов у них много, – степенно разъяснял мулла. – Но выше всех они почитают того Бога, который будто живет под землей и посылает людям весь урожай. И перед посевом яровых и озимых каждый хозяин выносит в поле всякую снедь и закапывает ее в землю, чтобы сего Бога урожая задобрить. И не важно, приняли они нашу веру или же кучно поклоняются Христу, но от обычая того ни на шаг не отступаются...

Задорный огонек блеснул в женских глазах, они хитро прищурились:

– Донесся до меня слухок, что наш народ тоже будто верил в разных Богов. Али врут все про то недоброжелатели и хулители нашей веры?

– Да, ханум, – улем согласно кивнул головой, – ислам пришел к нам лет триста назад из далекого Арабистана...

За разговором Суюм и позабыла про свой самый главный вопрос к ученому мулле-улему, опомнилась, когда в оконце постучались усталые лучи заходящего солнца.

– Ой, – заторопилась она, – самого-то важного я у тебя не спросила. Имелось у меня желание распытать подробно про Русь. Да, видно...

– Завтра приходи, госпожа. Я тебе и про их народ все, что только ведомо мне, расскажу-поведаю...

Просторная комната Айши вмиг неудержимо наполнилась звонким девичьим голоском, и тогда Суюм очнулась от своих воспоминаний.

Медленно открыла женщина глаза и посмотрела на оживленное лицо своей красавицы-дочери. Вспомнила, зачем пришла, грозно свела брови:

– Айша, ты снова выезжала за ворота?

Переступая ногами, дочка виновато опустила голову, потупилась:

– Я, мама...

– Смотри мне в глаза. Снова, как мальчишка, одна скакала по полям и опять носилась, словно очумелая, и без охраны?

Моргнули девичьи реснички, не зная, что ответить:

– Со мной была Гюль.

– Скажешь ты еще, – хмыкнула Суюм, нисколько не сердчая на свою дочь, ибо сама когда-то такой была, – что надежная охрана. Надо быть поосторожнее, девочка. Наш повелитель эмир сообщил мне о том, что на границе нашего государства снова появились неведомые нам татары. Ты меня, дочка, надеюсь, поняла?

– Да, мама. Больше я одна не выеду, – пообещала Айша.

– Вот и умница, – Суюм поцеловала дочь в лоб и вышла.

Как привидение, из тени вынырнула Гюль, спрятавшаяся от гнева матери своей госпожи. Айша тут же заметила ее смятенный, бегающий по сторонам взгляд и весело прыснула в маленький кулачок.

– Гюль, живо умываться и переодеваться! – вдоволь насмеявшись, приказала она. – Гроза миновала, растворяй пошире оконца...

– Слушаюсь, госпожа...

В одно лишь мгновение на искусно инкрустированном столике из красного дерева возник изящный серебряный тазик с тонкими красиво изогнутыми краями. Рядом с ним встал позолоченный кумган – кувшин для омовения с высоким изогнутым носиком. Между ними мягко легло пушистое полотенце...

Глава III. В ремесленной слободе

Плотно позавтракав, Айша приказала приготовить ей наряд мальчишки-подростка из богатой купеческой семьи, что, к ее немалому удовольствию и полному удовлетворению, с невероятной быстротой исполнили.

К капризам любимицы эмира давно привыкли, и у векиля – главного хранителя дворца несколько сундуков на непредвиденные случаи всегда ломились от всевозможных костюмированных нарядов.

Прихватив с собой ржавый кусок железной руды, Айша и Гюль в сопровождении четырех пеших стражников отправились в кузнечную слободу. Отыскать дом известного в городе кузнечных дел мастера Гали Тимера оказалось нетрудно. Стоило произнести его имя, как им указали на неприметный домишко...

Присмиривший и к тому времени выслушавший о себе самом столь всего нового и не всегда самого лицеприятного, мальчишка и его отец с сильным волнением и благоговейным страхом на тщательно умытых по случаю лицах ожидали появления у себя царственной особы. Лучше бы Заки, думалось домочадцам, никуда не ходил, сидел на лавке. А тут...

Почерневшая от времени кузница стояла в углу небольшого двора, на самом отшибе от всех остальных построек. На случай пожара...

Вслед за мастерами гости, низко пригнувшись, вошли, оглянулись. Древесные угли – лишь стоило их пошевелить в печи полусферической формы, сложенной из светлых сырцовых кирпичей, да дохнуть на них мехами, погнать воздух – засветились, нежно заалели.

Многие кузнецы засыпали в свои горны мелкоизмельченную руду, тщательно перемешивали ее с горящим древесным углем. Посредством высокой температуры получали мастера железо, которое отправляли в кузнечные мастерские, где из всяких бесформенных кусков изготавливали впоследствии самые различные предметы.

А Гали Тимер в целях экономии своего времени и для извлечения максимально большей прибыли совмещал оба этих процесса. Оттого-то он по праву и считался одним из лучших мастеров своего дела.

Вот и угли разгорелись, и на девушек, на их открытые лица и руки, волнами полилось ласковое тепло. Чуть подрагивающий свет, розовый и таинственный, наполнил закопченную кузню, придав всему сказочный облик. Чтобы избыть пожара, сложили сруб без присутствия мха. Но он щелявил пазами лишь в одном месте – с дневной, солнечной стороны, где от времени сильно повело ссохшееся бревно.

Все стены от земляного пола до самой крыши, поскольку потолка не имелось, густо обмазаны были жирной глиной. Стропила и крышевой подтоварник-опалубка – тоже. А сверху уложили свежий дерн.

На высоких деревянных топчанах, намертво приделанных к стенам, лежали откованные топоры, серпы, лопаты, большие амбарные личины, замки, носовые кольца для быков, накопники для стрел и копий.

По стенам же висели насаженные косы. В углу грудились железные шины для колес. А рядом, головками вверх, уже готовые к продаже – на новых древках – стояли ухваты и сковородники.

По всему чувствовалось, что кузнец Гали был мастером на все руки и брался за любую работу, от самой простой и до самой сложной.

Многие кузнецы справлялись с любой поковкой, иные производили определенный товар. Ладили они лемеха и плуги, либо ковали предметы помудрее: ключи и замки, другие необходимые в повседневной жизни вещи. Третьи изготавливали оружие.

Для своей работы они имели тяжелые молоты и кувалды, молотки, зубила, пробойники, напильники, большие и малые клещи. И весь их рабочий инструмент был выставлен на своем месте в свободном углу.

Угли разгорелись в полную силу, и Гали бросил в них руду. По весу в куске имелось фунта полтора, а поскольку он свободно умещался на ладони, значило, что малай отыскал и принес руду большой чистоты.

«Вот бы дал Аллах нам удачу!» – взволнованно подумал кузнец, подправил щипцами, подкинул угля и надал еще воздуха.

Несмотря на весь свой немалый опыт, Гали изрядно волновался, чувствуя направленный на него пристальный и внимательный взгляд.

Приседал он на широкую и почерневшую от времени и жары колоду и вскакивал, будто молодой еще подмастерье, поправлял кусок руды, подгребал к нему угли, всякий раз брался за меха, подкачивал воздух.

Даже и неискушенные в кузнечном деле девушки скоро уразумели, что, должно быть, наступил решительный момент: руда и угли слились в один бело-розовый цвет. Подготовительный процесс уже закончился, и ныне пришла самая пора пускать в дело умелые руки кузнеца.

Гали степенно надел толстый, грубого тканья передник, приготовил небольшую – для одной руки – кувалдочку и, прочитав молитву, воздав хвалу Всевышнему, достал щипцами раскаленный добела кусок руды.

«Ах!» – успела испуганно вымолвить Айша, когда ей показалось, что мастер их, поворачиваясь, промахнулся и светящийся комок пролетел мимо наковальни. Но кусок лег точно на нужное место, и руки кузнеца заработали привычно и споро, опережая все его слова и мысли.

В девичьи ноздри остро пахнуло непривычным запахом окалины. Она отскакивала под ударами кувалды, лихо скручивалась в стружку, темнела, и вместе с нею заодно отделялся от руды весь ненужный шлак.

Немного обстукав для начала, Гали снова забросил остывшую руду в горн. На этот раз она нагрелась в пылающих розовых углях довольно скоро, и кузнец, не мешкая, споро обработал ее вторично, то превращая в тонкую лепешку, то сминая в бесформенный комок, то вытягивая в удлиненную и утонченную болванку...

Таким способом мастер неоднократно нагревал и оббивал руду. И с каждым разом все ненужные примеси отходили от металла. А сам он на глазах уплотнялся, тяжелея, при гулких ударах больше не рассыпался и приобретал необходимую и столь заветную ковкость.

Сердце опытного кузнеца ничуть не обманулось в ожидании, а глаз и руки на деле подтвердили, что находка сына – настоящее богатство.

Но Гали не ведал еще, какую удачу ему принесет нечаянная встреча Заки с их Принцессой. Закончив обработку, мастер ради баловства и желания показать себя перед гостьей выковал, отгранил кусок металла в ровную и высоко тянущуюся вверх пирамидку.

– Сотвори для меня кинжал, – раздался в установившейся тишине повелительный голос. – Я рада, что твой сын не обманул меня. И мне не придется понапрасну тревожить отвислые уши нашего кади.

– Госпожа, – Гали растерянно заморгал, – здесь не хватит металла. Разреши мне добавить к нему другой кусок.

– Нет, – Айша упрямо мотнула головой и притопнула ножкой. – Я хочу кинжал из одного куска. У тебя есть калям и кусочек бумаги?

Мгновение-другое соображая, кузнец раз-два моргнув, чуть сдвинул густыми бровями, и мальчишка помчался в дом исполнять поручение отца. Заки бежал и не чувствовал под собой ног. Его душа звонко пела.

Зависшие над ним черные грозовые тучи окончательно разгоняет ветер шальной удачи. Если им даже и не заплатят, то от заказов после одного отбоя не будет. И они озолотятся. Отец его мастер на все руки...

Быстрыми движениями девушка набросала легкий рисунок, двумя-тремя уверенными штрихами довела его до законченного вида.

– Сможешь отковать?

– Да, – Гали значительно, со знанием дела, кивнул головой. – То есть стилет. Я знаком с оным видом оружия. Схожие игрушки привозят к нам из далекого Андалуса (Испании)...

Около двух часов девушки не отрывали глаз от чудодействующего мастера. Затаив дыхание и от охватившего их напряженного ожидания высунув наружу розовые язычки, то и дело облизывали они пересохшие губы, наблюдали за тем, как заново разогретая пирамидка превратилась в длинную тонкую полоску. Потом ее сложили пополам и снова ковали. Нагрели в горне, снова сложили по длине...

Одним звонким ударом молоточка: «Дон!!!» Гали точно указывал место, куда тут же следом Заки опускал тяжелый молот: «Бум!!!» и был горд тем, что отец доверил ему сложную работу, да еще и в присутствии столь знатной гостьи.

– Готово, – кузнец повертел в руках небольшой клинок. – Осталось только придать ему закалку для приобретения необходимой твердости и соорудить для него рукоятку. Токмо... – Гали запнулся.

Не зная, как сказать, мастер весь покрылся сконфуженной краской.

– Не томи, говори! – притопнула ножкой возбужденная и охваченная нетерпением Айша. – Чего тебе не хватает для завершения?

– Ты не гневайся, Принцесса, – кузнец, моргая от огорчения, развел руками, – у меня нет денег на подходящий для одного клинка материал.

– Э, – пренебрежительно взмахнула девушка рукой и подняла глаза на свою служанку. – Достань!

Выхватив из потайного кармана в широких складках своей одежды, Гюль протянула кошелек с мелкими серебряными монетами.

– Оного хватит?

– Смотря, – мастер хитро прищурился, – из чего рукоятку ладить. Если набирать из благородной слоновой кости, то выйдет маловато.

Чуть качнув головкой, проникаясь заговорщицким тоном мастера, Айша кинула на служанку многозначительный взгляд, и та извлекла из тайников еще два золотых.

– Хватит? – левая бровь Принцессы вопросительно изогнулась.

– Вполне, госпожа. К утру я все сделаю...

Поразмыслив, гостья великодушно изрекла:

– Я прикажу, чтобы тебе отвесили за него столько же золота, сколько он будет весить.

– О, госпожа! – Гали упал ниц перед девичьими ножками. – Твоя щедрость не знает границ. Да ниспошлет тебе Аллах счастья...

Гюль, успевавшая время от времени коситься в сторону смущенного, красного от волнения Заки, склонилась к уху хозяйки и что-то быстро-быстро зашептала. Поначалу племянница эмира непонимающе сводила брови и недовольно хмурилась. Затем ее личико прояснилось.

– Скажи-ка, Гали Тимер, – Айша согласно кивнула головой и, чтобы не обижать мастера-овитого хозяина, обратилась к тому с показавшейся кузнецу несколько необычной просьбой, – ты можешь отпустить своего сына, чтобы он провел нас в гончарную мастерскую? Мы давно хотели посмотреть на диковинную лепнину.

Облегченно вздыхая, мастер согласен был отпустить сына, хоть на другой конец города. Но тут же Гали сообразил, что частью выпавшей на их долю удачи он может сполна поделиться со своим зятем.

– Могу... – небольшая бородка мастера пришла в частое движение. – Заки отведет вас к нашему родственнику. Он женат на нашей дочери...

Рассыпаясь в комплиментах и отбивая поклоны, кузнец поведал, что там найдется, на что посмотреть и на что потратить денешки эмира.

Лишенный своего привычного послеполуденного отдыха, гончар Нури тяжело заохал и запричитал, когда к нему, словно снег на голову посреди жаркого лета, ввалились неожиданные гости. Не знал мастеровой, что ему делать и говорить, совершенно потерял дар речи.

Снисходительно хмыкнув, давно изрядно привыкшая к тому, что в ее присутствии многие люди обычно глупеют на глазах, Айша по-хозяйски опустилась на низкую скамеечку возле огня. Она огляделась, оживилась и протянула правую руку.

– О, Аллах! – не скрывая своего восхищения, ахнула она. – Что оное такое? Кто сотворил столь красивые вещи?

Около очага выставили парочку глиняных корабликов и горсть иных игрушек, ради забавы слепленных подручным мастера. Кораблик малай сделал точно таким, каким видел судно в прошлом году, когда отец брал его вместе с собой в город Болгар. На большой реке мальчик корабль и разглядел: с изогнутым носом, с крутой, высокой кормой и с перилами для кормчего, с отверстиями по бокам для огромных весел.

– То наш сын! – во весь голос и оглушительно воскликнул Нури, обретая дар речи. – Ему наш Аллах послал великое умение!

Притворно прижимая ладошки к ушам, Айша презабавно сморщила прекрасный носик, замотала головой:

– Мы не глухие...

– Он... – Нури, поняв свою непозволительную промашку, смешался, долго моргал и не сразу продолжил. – Малай научился лепить оные чудесные кораблики, чтобы поделки служили людям светильниками. В середину, в отверстие, надо налить хорошего масла, а на носу корабля и на его корме выпустить концы двух фитилей. Тогда светильник начнет гореть двумя огнями и тихо поплывет в темноте вашего воображения...

Чуть покосившись, Айша сверкнула глазами, и в руках у Гюль снова появился заветный кошель.

– Я покупаю у тебя оный светильник, – маленькая повелительница протянула десятилетнему мальчику серебряную монетку, и денежка в одно неуловимое для простого глаза мгновение тут же перекочевала за детскую щечку. – Оное искусство, малай, тебя прокормит...

Неглупый ребенок упал ниц, дотронулся до туфли высокой гостыи.

– Сегодня ты получишь медовые лепешки, – беззвучно прошептала мать счастливого мальчика, сама не менее счастливая.

В ее душе зазвучала сладостная музыка. Услышать похвалу из уст самой Принцессы. Пусть Аллах продлит дни ее безбедной жизни...

– Я хочу, – властным тоном, не допускающим никаких возражений, произнесла Айша, – посмотреть, как ты, мастер, творишь. Забудь, кто я такая. Я желаю попробовать все делать сама. Учи меня!

– Хорошо, – кивнул Нури, окончательно пришедший в себя. – Ты вот встань возле меня и учись, как следует лепить.

Перед опустившимся на низенькую скамейку мастером находилась ровная круглая доска, прикрепленная к прямой подставке. Внизу к той же подставке приделали второй деревянный круг.

Горшечник время от времени толкал левой ногой нижний круг, и тогда верхняя круглая доска вертелась то намного быстрее, то немного медленнее – как оно требовалось самому мастеру.

Проворный мальчишка подал отцу кусок мягкой и предварительно размятой глины. Нури с размахом опустил, шлепнул его на середину круга и начал быстро мять его своими руками. А доска все вертелась и вертелась перед ним, приводимая в движение неутомимой ногой...

Уставившись в одну точку, Айша засмотрелась на этот круг, и перед глазами у нее все смешалось. Сказалось, видно, и то время, проведенное в жаркой кузне. Глаза отчего-то начали слипаться. Ее потянуло вбок.

– Госпожа! – шепнула Гюль, едва успев схватить ее за рукав, и она снова увидела перед собой быстро вертевшийся и куда-то норовивший ускользнуть круг.

Вдоволь наигравшись с тестом, горшечник вдавил четыре пальца в середину глиняного кома, одним большим пальцем прижал всю мягкую массу снаружи. Крутящаяся под его пальцами податливая глина начала превращаться в грубую чашу. Сжимая пальцы, Нури, словно сказочный волшебник, медленно потянул глину кверху, и, будто в сказке, стенки стали расти все выше и выше. Руки свои мастер то и дело мочил в миске с водой, и оттого глина легко скользила.

С этой минуты Айша, не отрываясь, следила за чудом, творящимся на ее глазах. Что искусному мастеру только хотелось, то и делалось под его волшебными пальцами из вертящейся глины. Он творил и бросал быстрые взгляды на свою восхищенную его умением ученицу.

Поначалу стенки у чаши расширялись, но вот Нури ловко подхватил края снаружи и принялся их сжимать. И края у чаши начали суживаться вверх. Перед их изумленными глазами вытягивалось узкое горлышко, и получался пузатый кувшин, в каком обычно хранят растительное масло.

Мастер остановил свой круг и туго натянутой ниткой срезал кувшин под самым дном. Потом сынишка аккуратно взял его, чтобы не помять ему бока, и поставил на полку рядом с другими.

Гончар пояснил, что кувшину следует хорошенько просохнуть. И тогда его начнут прожигать в печи, и он станет крепким и звонким.

Если же глина просохнет недостаточно, то во время обжига кувшин лопнет, и тогда весь кропотливый труд пойдет насмарку.

– Можно мне попробовать? – Айша потянулась к верстаку.

– Мать, подай передник, – приказал мастер и лишь после того, как на гостью накинули цветастую материю, разрешил ей занять свое место.

Мельком глянув на творение, вышедшее из-под рук своей госпожи, Гюль не сдержала себя и веселенько прыснула. Подобного кривобокого уродца она нигде еще не встречала. Но Айша не сдавалась. Она усердно пыхтела и порой весьма сердито шипела на непослушную ее пальцам глину. Стенки сосудов выходили чересчур неровными. Они получались то слишком толстыми и некрасивыми, то слишком тонкими.

И то, что должно было по ее замыслу впоследствии стать высоким кувшином, прогибалось. Оно косилось, заваливалось набок и в один миг превращалось на быстро-быстро вертящемся круге в причудливую и бесформенную, и перекрученную массу. И так раз за разом...

Времечко летело быстро. Хозяин недовольно ворчал. Работа-то его стояла. За день простоя он ничего толком и не заработает. Но выгнать высокородную ученицу он просто не мог. Хотя, уже один купленный кораблик-светильник с лихвой покроет его убытки.

– Все, – Айша критически осмотрела результаты своей работы, – хватит с меня. На жизнь я себе горшками не налеплю.

– Что прикажешь с оным сотворить? – Нури старательно скрывал в своих жидких висках усах кривую усмешку.

– Все обжечь! – Айша коротко взмахнула рукой.

Согнувшийся под ее протянувшейся указующей дланью горшечник благоразумно промолчал. Но не все присутствующие в его мастерской оказались столь же предусмотрительно осторожны, как и он сам.

– Никто их, госпожа, не купит, – скептическая улыбка раздвинула тонко очерченные губы жены мастера глиняной утвари.

– Я куплю все у тебя, горшечник, как самую дорогую посуду.

Довольная ухмылка спряталась, закопалась в усах мастера.

– Сказать моей жене, чтобы она расписала их? – на всякий случай переспросил Нури, чтобы ни в коем случае не попасть впросак.

– Расписать искусно, как оный, – Айша показала на готовый образец, выставленный на полке.

Молодая женщина недоуменно пожала своими плечиками, но была вовремя прикрыта широкой грудью гончара.

– Зачем нам? – на ушко шепнула служанка, не столько жалея чужих денег, сколько не зная, куда девать неудачливые поделки госпожи.

– Я потом накормлю из нее нашего эмира, – чудный девичий ротик расплылся в довольной улыбке. – Оное чудо ему обойдется подороже золотой посуды, – добавила Айша с нескрываемым злорадством, что-то припомнив из своей еще недолгой жизни. – Как оно намеряно мне сказал мой дядя, – в ее раскрывшихся глазках забегали веселые и задорные огоньки, – что я не стою черепков той посуды, что перебила по своему неумению обращаться с оной за столом...

В сопровождении четверки пеших стражников Айша продолжила путешествие по ремесленной части города. Временами ей казалось, что она попала в одну длинную и бесконечную мастерскую.

По длинной улице-слободе одна за другой тянулись дворы-кузницы, где почерневшие от копоти кузнецы от всей души колотили молотками, отделявая черные котлы и огромные казаны, куя острые мечи и ножи.

Чуть поодаль занятые мастера раскрашивали красивые скамейки, столы и диковинные для их краев стулья с изогнутыми ножками.

А на следующей улочке плотники строгали и долбили деревянные обрубки, мастерили заготовки для тех, кто потом все собирал в готовое изделие домашней утвари.

В соседнем же проулке полуголые стекольщики в толстых кожаных фартуках, удерживая в своих жилистых ручищах длинные глиняные трубки, крутя и вертя ими, словно циркачи, выдували через них всякие стеклянные бутылочки, играющие на солнце всеми цветами радуги.

Тут же изготавливали оконные стекла – круглые диски размером чуть больше пол-локтя. Лавки были забиты всевозможной посудой. И глаза от такого изобилия разбегались, совершенно теряясь и озадаченно не зная, на чем им остановиться.

За поворотом чередовались лавочки, где сидели важные, надутые, нарядно одетые купцы с длинными и завитыми в колечки волосами. Торговали они материей всех цветов и расцветок, посудой, душистыми кореньями, втираньями, перцем, корицей и амброй, множеством других товаров, привезенных ими издалека...

Итекче (сапожник) расхваливал грубо пошитую и потому дешевую обувь. А рядом с ним, всего в двух шагах, были выставлены кожаные сандалии самых разных цветов, мягкие туфли и модные сапожки самой тонкой выделки. Там находилась лавка для богатых покупателей.

Рядом с нею нищим, кто ходит в деревянных сандалиях, похожих на скамеечки, делать было нечего. Безденежных покупателей неназойливо, но упорно отгоняли тоненьким прутиком, чтобы они не загораживали обзор, не портили вид их ценному товару...

Тегуче (портной), старательно выпрямив свою усталую и согбенную с годами спину из-за постоянного сидения согнувшись колесом, торчал возле лавки, где аккуратно разложили и развесили уже готовые изделия и разноцветные материи, и кричал, оглушая своим громовым голосом, всем прохожим:

– Тегуче, тегуче! Сошью вам отличные штаны и рубашку в придачу. Сошью вам отличное платье для красавицы еще до восхода солнца! Подходи! Подходи! Не проходи мимо!..

Проходя мимо, Айша остановилась возле мастерской прядильщика, на дверях которой висели длинные нитки самых разных окрасок.

Высохший на солнце старик-хозяин сидел на толстом вылинявшем ковре, сложив под себя босые ноги, и искусно пряд шерстяные нитки, наматывая их на большую деревянную рогульку.

Девушка требовательно показала пальцем на моток тонкой пряди:

– Оное беру!

Из расположенной рядом пекарни донесся запах свежеевыпеченных лепешек, и одного только взгляда хозяйки оказалось достаточно, чтобы скоро у нее на руках появился медовый пряник.

– Покажи мне оное!

Возле понравившейся ей вещи Айша останавливалась, всякий раз, не узнавая продавцами, с азартом торговалась и покупала, если лавочник и она сходились в конечной цене.

Гюль передавала покупку, и один из стражников уже сгибался под тяжестью непосильной ноши. Дошла очередь и до второго стража.

У булгарского эмира денег имелось немало. Он ничего не жалел для своей любимой племянницы. В прошлые годы во многих областях граничившей с ними Руси случился большой недород. Много в ту пору пшеницы и другого зерна отправили они голодающим соседям, которые сполна расплатились за жито звонкой серебряной монетой.

Эмирская казна, опустошенная разорительными набегами русичей, годами неустроенности и междоусобицы, пополнилась.

– Я устала, – наконец-то произнесла Айша, и служанка облегченно вздохнула. – Отпусти мальчишек, и возвращаемся во дворец.

Кожанный кошель Айши изрядно опустел, зато дворцовые сундуки порядком пополнятся, надуются от важности.

Глава IV. Схватка с Топтыгиным

Укрываясь в тени от полуденного зноя, любимая сестра эмира прилегла под полотняным навесом и прикрыла глаза. Утром на нее неожиданно нахлынули далекие и не всегда самые приятные воспоминания. Медленное течение их прервало появление ее озорной и жизнерадостной дочери. Необычайно похожа Айша на нее. Но много в дочери и от отца девочки. От отца Айши...

И на чем же она остановилась, так некстати прерванная? Кажется, на том, что она обещала зайти к ученому улему на следующий же день.

Вспомнила она, именно на том самом месте. Они договорились, что мулла расскажет ей про их соседей, про русичей...

...Однако ни на следующий день, ни на второй, ни на третий Суюм в домике ученого муллы так и не появилась. Другие события неожиданно захватили, не спрашивая ее согласия, стремительно понесли по бурным волнам неизведанной судьбы, не оставляя времени для долгих раздумий и принятия единственно правильного и верного решения.

В то хмурое утро все буквально валилось из рук, словно душа ее, все ее внутреннее естество заранее предчувствовали, что вот-вот должно было нечто случиться, произойти с нею и, возможно, важное.

Может быть, судьба, наоборот, предупреждала ее, а она в тот момент ничего не сообразила и не вняла поданным свыше знакам...

Совершенно не понимая причины собственного так встревоженного и возбужденного состояния, она накричала на свою служанку-рабыню, неловко подавшую ей охотничий наряд.

– Прочь! – гневно обрушилась Суюм на некстати подвернувшегося под ее горячую руку начальника ее личной стражи и, невзирая на все его предостережения, отправилась на конную прогулку одна.

Даже на всякий случай не взяла женщина с собой толкового ловчего, намериваясь далеко от крепостного вала к лесу не отъезжать.

Рассчитывала она все время оставаться на виду у стражников, и, случись что неладное, они всегда могли бы прийти к ней на помощь.

– Хоп! – надев на левую руку толстую кожаную перчатку и посадив на нее любимого сокола, Суюм, красуясь собой, поскакала в поле.

Долго кружила она в двухстах-трехстах саженях, и никто не смел приблизиться к своей разгневанной неизвестно на что и на кого хозяйке.

Но вскоре Суюм столь увлеклась соколиной охотой, что не заметила, как она стала удаляться от городских ворот, скрывшихся за холмами.

Двигаясь за хищной птицей, кружащей высоко в небе и выбирающей подходящую себе добычу, охотница близко подступила к лесной чаще, что местами своими неровными краями подбиралась к самому городу.

Высоко поднявшись в небо, сокол пропал. Внимание Суюм привлек крупный глухарь. Огромная птица сидела на разлапистом дереве шагах в пятидесяти от нее и дразнила своей кажущейся доступностью.

– Ого! – в женских глазах вспыхнул и разгорелся охотничий азарт, и Суюм проворно соскочила на землю и вооружилась небольшим луком.

Дикий урман совершенно ее не страшил. С самого детства женщина привыкла к лесу. Частенько еще до замужества брат брал ее с собой на охоту. И Суюм храбро скакала среди многочисленных охотников.

Часто видела она, как при приближении шумных загонщиков, ломая кустарники, бросались от них наутек стада пугливых оленей и лосей, а из болотистых зарослей и непроходи-

мых чащоб отчетливо доносилось злобное хрюканье потревоженных ими диких свиней. Но их не трогали.

На подернутых зеленой ряской лесных речках не раз показывали ей на огромные поселения бобров. Озера и болота кишели дикими гусями, утками, лебедями и прочей пернатой дичью...

При приближении Суюм птица неторопливо расправила огромные крылья. Она с шумом поднялась, пролетев десятка четыре-пять сажень, опустилась на другое дерево, неторопливо сложила крылья.

Старый глухарь словно игрался с нею, открыто насмехался, и в ней помимо давно проснувшегося охотничьего азарта закипела злость.

Пригнувшись, Суюм крадучись шагнула вперед. Осторожная птица, не подпуская человека на прицельный выстрел, взмахнула крыльями и снова перелетела чуточку дальше. И так повторялось раз за разом...

– От меня не уйдешь! – игра только раззадоривала охотницу, и она шла следом, все дальше углубляясь в урман.

Наконец, воспользовавшись тем, что в одном месте крутые берега лесного ручья, неведомо как, но размытые дождями, нагромодились целой цепью огромных земляных глыб и уступов, Суюм изловчилась, незаметно подобралась к глухарю, зазевавшемуся и упустившему из вида преследовательницу. Приподняв лук, натянув тетиву, тщательно прицелившись, охотница пустила в него маленькую стрелу.

– Попала! – радость охватила женщину.

Но большая и сильная птица, пронзенная стрелой, не сразу камнем свалилась на землю, а все же попыталась взлететь, взмахнула несколько раз своими размашистыми крыльями и рухнула поодаль на рыжевшую вершину невысокого и плоского глиняного утеса.

– Ох! – протяжный вздох глубочайшего разочарования вырвался из женской груди, когда Суюм подбежала ближе и обнаружила, что крутые стены возвышающегося, как гора, утеса почти отвесны.

В растерянности она даже оглянулась. Стоило ей столько мучиться, чтобы уйти потом с пустыми руками.

– Нет! Доберусь! – охотница упрямо встряхнула головой, бросила на землю свой ставший бесполезным лук.

Вытащила она из ножен тонкий кинжал и, втыкая его в расщелины, ловко и быстро взобралась наверх и с торжествующим криком подняла свою добычу, с трудом удерживая тушку на вытянутых руках.

Глухарь был огромен, великолепен и весил не меньше пуда!

– Вот оно добыча! Все добычам добыча! – воскликнула она.

Держа в руках невиданный трофей, Суюм повеселела. На душе у нее вмиг стало легко. Терзавшее ее внутреннее чувство тревоги отошло в сторону, и она напрочь позабыла про него. А вот зря...

Едва лишь женщина, собираясь спуститься с утеса тем же путем, что и поднялась на него, подошла к его краю и посмотрела вниз, как всю ее веселость мигом сдуло, а на душе отчаянно заскребли дикие кошки.

– У, шайтан! – выдохнула Суюм, увидев, что у подножия, как раз там, где она столь опрометчиво кинула на землю свое верное оружие, покачиваясь на двух лапах, вытягивая вверх косматую и со свалывшейся шерстью морду, стоял заматеревший огромный бурый медведь.

То ли это ей с испуга померещилось, то ли уж и всамделишно хозяин урмана насмешливо подмигнул ей, мол, попалась, больше не будет без его спроса шастать в его владениях, трогать и обижать его подданных.

Оглянувшись по сторонам, Суюм поняла, что угодила в незавидное положение. Несмотря на самый разгар лета и на то, что зверь в эту пору не голоден, косолапый мишка, очевидно, проникся к ее особе вовсе не бескорыстным интересом и уходить никуда не собирался.

Может, медведя привлекла возможность легкой добычи, что крепко держала в своей руке незадачливая охотница, не догадавшаяся сбросить добытую птицу вниз под лапы топтыгину и таким образом постараться избавиться от его нежелательного присутствия.

Сердито сопя, мишка топтался, медленно обходя весь утес по кругу, высматривая место, откуда полегче было бы взобраться наверх.

То опускался топтыгин на все свои четыре лапы, то в одном месте, прогибаясь в спине, вытягивался во весь свой огромный рост и пытался достать передними лапами до кромки утеса. Он, урча, цеплялся когтями за края, оставлял на них глубокие царапины.

– О, Аллах! – перепуганная не на шутку, Суюм с ужасом увидела, что страшные порывевшие когти дикого зверя не достают до площадки, на которой она умещалась, всего аршин-полтора.

Беспомощно заморгав, охотница огорченно вздохнула. А у нее-то не оказалось ничего подходящего. Лук ее бесполезно валялся внизу. Если бы под ее руками имелась хотя бы простая жердь, чтобы, тыкая зверю в морду, мешать ему, спихивать вниз, когда он начнет взбираться наверх.

На плоской вершине, от края до края имевшей в поперечнике шагов шесть-семь, на ее беду, не было ничего, кроме комьев ссохшейся глины.

Глядя медведю в глаза, женщина подумала о том, что глупый зверь, может, уйдет прочь, если он перестанет ее видеть, отошла от края и села посреди своего небольшого укрытия. В ее голове мелькнула запоздалая мысль о том, что напрасно она уехала в поле без своей охраны.

Зачем она не послушалась начальника стражи? Сейчас сидела бы на коне и весело посматривала на то, как разделявают на куски властелина леса. И всему виной ее несусветное упрямство и заносчивость...

Потеряв из вида свою пока еще недоступную ему жертву, мишка-то сильно разъярился и взревел. Случилось совершенно обратное тому, чего добивалась Суюм. Медведь не убрался восвояси, а сейчас же полез наверх. Показались его лапы, уже цепляющиеся за самые края ее весьма ненадежного убежища. И ужас волной прокатился по всему уступу.

Подброшенная вверх подкатившим страхом, охотница мгновенно вскочила. Она повела растерянными и напуганными глазами по кругу, нагнулась, нащупала руками самый тяжелый кусок глины и, высоко подняв его обеими руками над головой, изо всех сил швырнула ком в мохнатую голову, вскоре показавшуюся вслед за огромными когтями.

– Получай! Кит! Уходи!

Тяжеленный глиняный комок, натолкнувшись в полете на твердую преграду, разлетелся на мелкие кусочки. Но и мишка с громким воем от вспыхнувшей боли и от проснувшейся ярости кубарем скатился вниз.

– Ы-ы-ы!..

Растревоженные лесные обитатели веером разбегались и разлетались от места схватки от греха подальше. Никому из них в тот самый миг не хотелось попасться на глаза разъяренному до предела хозяину урмана.

– Ы-ы-ы!..

Суетливо скакали во все стороны серые зайцы. Наперегонки с ними, озираясь, бежала лисица, по давней привычке замечая следы пушистым огненно-рыжим хвостом. Поднялись вверх, закружили над верхушками деревьев и тревожно закричали сойки. Им вторили галки и вороны. Ах! Беда! Беда! В их лес пришла беда! Спасайтесь, кто может! Спасайтесь!

Продышавшись, медведь протер лапами запорошенные земляными крошками глазища, снова полез наверх, пригнул голову и не обращал внимания на посыпавшийся на него сверху град глиняных комьев.

Вскоре и их не осталось. Недолго думая, Суюм швырнула добытого ею глухаря, надеясь откупиться птичьей тушкой от лесного бродяги:

– Забирай, шайтан! Подавись!

Но, видно, было слишком поздно. Сбитый тяжелой птицей топтыгин скатился вниз, ткнул лапой, справедливо решил, что глухарь от него никуда не уйдет, злобно отшвырнул тушку от себя и снова полез наверх.

– Кит, шайтан! Уйди ты! – теряя остатки духа, выкрикнула Суюм и отчаянно завизжала, инстинктивно надеясь испугать, привести медведя в смятение и тем самым заполучить передышку и собраться с мыслями.

– А-а-а! А-а-а! – полетело, разнеслось по всему лесу.

От неожиданности зверь вжал голову, оглушенный пронзительными звуками, вырывающимися из странного существа, и сполз вниз с откоса, катясь на брюхе. Он в недоумении присел на свою широкую задницу, прищемив куцый хвост, и замахал передними лапами, словно отбиваясь от режущего слух крика, как от роящихся диких пчел.

Зажмурив глаза, Суюм все истошно кричала, а медведь недоуменно взирал на нее. Но вскоре мишке крик приелся, ему все надоело, и он полез на решительный приступ. Охотница вовремя вспомнила про свой небольшой, но острый кинжал и с силой воткнула его в пока-завшуюся перед нею лапу, вцепившуюся в край площадки.

– Ё-ы-ы!... – от резко пронзившей его острой боли хищный зверь оглушительно взревел, инстинктивно разжал когти, лишившись точки опоры, кубарем скатился вниз.

Все произошло настолько быстро, что рукоятка кинжала, увлекаемая тяжелой тушей вниз, выскользнула из рук Суюм.

– О, Аллах! – простонала женщина, лишенная последней защиты.

Если Всевышний желает наказать человека, то он лишает его разума. Она в этот несчастливый день все делает только во вред самой себе.

– Ё-ы-ы! – ревущий медведь зубами рывком выдернул торчащий из его лапы кинжал, лизнул кровоточащее место и со свирепым, ничего хорошего не предвещающим урчанием быстро взобрался по откосу.

Передние лапы вконец разъяренного зверя твердо встали на ровную площадку, и за ними вытягивалась наверх и вся его огромная туша.

Перепуганная охотница обмерла и невольно отступила назад. Еще одно движение медведя вперед, и еще один ее шагок назад.

Зверь свирепо махнул протянувшейся вперед лапой, и острые когти его смертоносной косой скользнули рядом с Суюм. Она отшатнулась, отпрянула, сделала шагок назад, но нога ее не нашла твердой опоры, и тоненька фигурка, неуклюже согнувшись, посыпалась вниз.

– А-а-а! – полетел ввысь отчаянный крик.

Оглушенная неожиданным падением, бедная женщина не видела, как к глиняному утесу подбежали двое мужчин.

Один из них со всего размаха ткнул саблей по мохнатой спине почти целиком взобравшегося наверх зверя. Несмотря на всю свою внешнюю неуклюжесть, лесной великан мгновенно обернулся, соскользнул вниз и с оглушительным ревом набросился на своего нового обидчика.

Удар саблей пришелся по краю твердой медвежьей башки, и хищник отделался срезанным ухом. Доведенный до предела ярости, зверь нанес несколько молниеносных ударов, но человек ловко увернулся.

Схватка не на жизнь, а на смерть продолжалась несколько минут. То вставал мишка на дыбы во весь свой огромный рост, словно приглашая к нанесению по нему удара, то опус-

кался он на четвереньки, нагибал голову. Медленно оглядывался зверь и потом попеременно кидался на махающих саблями людей. Взмахи его двух страшенных лап, достигни они своей цели, моментально размозжили бы воинам головы, но люди ловко увертывались и наносили ответные разящие удары.

Силы в этом бою, конечно, были неравны. Отлетела в сторону одна отсеченная лапа, вторая, и тогда медведь, хрипя, рухнул на землю под посыпавшимися на него градом сабельными ударами...

– Суюм, ханум, очнись же! Что с тобой, моя радость? – услышала женщина, приходя в себя, и открыла подрагивающие ресницы.

– Ахмед, ты? – едва слышно прошептала женщина, еще не веря в свое чудесное спасение.

«Где ты был? – подумала она. – Заставил меня столько пережить!»

– Ты мне не снишься? Может, я уже в раю? Лесной шайтан отправил меня прямиком на Небеса?

«Если на Небесах рядом со мной будет оный мужчина, – проскочила по краю сознания шальная мысль, – то лучшего мне и не надо».

– Нет-нет, ханум, – Ахмед с тревогой заглядывал в ее глаза, – ты не спишь, и мы еще пока на нашей грешной земле. Как тожко угораздило тебя попасться в лапы огромному владыке дикого урмана? Еле вдвоем мы с ним управились.

– Я погналась за глухарем... – машинально ответила она, но тут же вспомнила, что задавать вопросы – единственно ее прерогатива хозяйки, а не чья-то кого-то еще другого. – Но, скажи, как ты оказался здесь? Я запретила ехать за мной, – тонкие брови по привычке грозно качнулись.

– Ханум, – поставленный на место, но ничуть не испугавшийся ее гнева, Ахмед усмехнулся, – ты сейчас говоришь совсем не о том. Никто за тобой и не тронулся. Но, когда я увидел, что ты въехала в урман, я презрел твой приказ и со своим слугой кинулся за тобой. Ты можешь приказать отрубить мне голову за мое непослушание...

Женщина на миг задумалась. Он не выполнил ее приказ, и за это должен быть строго наказан. Но своим непослушанием Ахмед спас ей жизнь. А выполни джигит ее же приказ до конца, и лесной шайтан рано или поздно сожрал бы ее с потрохами. Что же лучше?..

– Я над оным подумаю. Помоги мне подняться.

Опершись на протянутую руку, Суюм попыталась встать. Острая боль в лодыжке пронзила ее и отдалась во всем теле. Женщина громко охнула. Болезненная судорога исказила ее красивые черты.

– Ханум, что с тобой, ты ранена? – взволнованно спросил Ахмед, склоняясь над нею.

Глядя на любимые черты, подернутые болью и невыносимо тяжким страданием, Ахмед взволнованно дышал. О, Аллах, пусть Всевышний придаст ему силы! Он безумно ее любит!

– Нога! Кажется, я сломала ее при падении.

Верный слуга подвел пойманную лошадь повелительницы.

– Ты сможешь ехать верхом?

– Не знаю, – влажная капелька показалась на краешке ее глаза. – Ой!

И вторая попытка подняться и встать не увенчалась успехом.

– Скажи, ханум, скажи, что мне делать?! – воскликнул влюбленный мужчина не в силах смотреть на ее невыносимые страдания.

– Во дворце, – откидываясь на спину, прерывисто выдохнула Суюм, – стоит китайский паланкин. Дай команду, чтобы его доставили.

– Я все понял, ханум, все понял, – Ахмед торопливо поднялся и тихо зашептал на ухо своему слуге.

Не отрывая глаз, Суюм смотрела на лицо бывшего возлюбленного. За прошедшие годы она не переставала любить его. А как он возмужал, стал еще красивее. Глаз невозможно от него отвести.

Стараясь устроиться поудобнее, она сделала неловкое движение и снова охнула. Слезинка покатилась по ее щеке.

– Ханум, мое сердце разрывается, – Ахмед безотчетно наклонился к ее лицу и губами осушил влажную жемчужину. – Ханум, ханум...

Близость любимой и давно желанной женщины помутила его разум, стерла все запреты. Он никогда еще не касался этих чудных губ. Рука его никогда не трогала эту нежную кожу.

– Ахмед... – когда мужские руки вдруг вслепую дотронулись до ее трепетной груди и тут же отпрянули, женщина вздрогнула.

Что он делает?! Как он смеет?! Наказать его! Казнить!

Но почему, почему помимо ее воли подалось навстречу мужским рукам предательски непослушное ее воле тело?! Она напрочь позабыла про ноющую боль в ноге, про то, что она замужем, про все...

– Ахмед, Ахмед! – изгибаясь, выкрикнула она. – О, Аллах!

Наконец-то, женщина познала, каково оно, когда ее любят, когда она тоже любит. Как оно сладко, сладко...

– Теперь ты можешь приказать казнить меня...

Не открывая глаз, Суюм отрешенно прошептала:

– Я подумаю...

Вместе с небольшим отрядом всадников примчался перепуганный лекарь-имчи, неодобрительно покачивая по их обычаю наголо обритой головой, осмотрел ногу. Заставил лекарь пошевелить госпожу пальцами и только после этого, чуть успокоенный и удовлетворенный, кивнул:

– Перелома нет, все кости цели. Вывих и сильный ушиб.

Последователь арабских медиков старательно наложил на больную ногу деревянную шину и смастерил тугую повязку. По приказу Ахмеда повелительницу со всеми предосторожностями доставили во дворец.

Глава V. Рассказы о русичах

Через два денька появился Махмед-бек. Он был встревожен донесшейся до него вестью о случившемся происшествии. Жена встретила его со слабой улыбкой на лице.

– Суюм! – бек приветственно развел руки в стороны.

– Махмед, я рада тебя видеть, – тихо прошептала она и постаралась быстренько увести свой безмерно виноватый взгляд.

Поскорее упрятала она его, чтобы муж ненароком не смог прочитать в ее глазах то, что знать ему было совершенно ни к чему, что могло бы привести к непредсказуемым последствиям.

– Суюм, ты жива, жива! – бек припал на колени перед ее постелью и прижался жесткими губами к ее нежной ладони.

– Все хорошо, мой повелитель.

– Я сам, сам порублю их всех на куски!

В ту самую минуту сильно взволнованной и напуганной женщине казалось, что рассудок мужа помутился от охватившего его бешенства.

– Они нарочно наслали медведя, чтобы погубить тебя! – зло зашипел он, наливаясь темной кровью. – Они хотят, чтобы мой род прервался. Они подстроили для тебя ловушку. Они хотят, чтобы наш владыка эмир отвернулся от меня. Я знаю, кто они!

Коварный интриган, мастер на всякого рода подлости, он и о других думал ничуть не лучше. Во всем ему мерещились заговоры и происки нажитых им за все долгие годы междоусобной борьбы многочисленных недругов. Многим, очень многим людям не нравилось, что повелитель благоволит к нему, выделяет среди других владетельных беков...

– Я сама во всем виновата, Махмед, – тихо промолвила она, опасаясь его необузданного гнева, больше страшась не за себя, а за невинных слуг, которые могут пострадать из-за ее же необдуманного поступка.

– Ты снова защищаешь смердов, недостойных твоего внимания, моя сладкая радость, – голос мужа смягчился. – Что я могу для тебя сделать?

– Ты приехал, – прошептала она, успокаиваясь, – и мне много лучше. Как долго ты сможешь пробыть со мной? Ты меня одну не оставишь?

С некоторых пор Суюм в полном совершенстве овладела искусством тончайшей восточной дипломатии и завуалированной хитрости. Можно почти ничего не сказать. Но от того, как оно сказано, зависит многое.

На деле, ее больше интересовало то, когда, как скоро, муж покинет пределы их города. Но спросила она иначе, словно бы желая безмерно продлить свою радость от нечаянной встречи с мужем.

– Твой брат, – важно надулся Махмед-бек, – отпустил меня всего на неделю. Не может он без меня. Мы готовимся к великому походу.

Выражение полного самодовольства и неприкрытой высокомерной спеси появилось на его уродливом лице, и Суюм едва-едва сдержала в себе рвущееся наружу чувство омерзительной брезгливости.

– И куда же ты двинешься на этот раз? – спросила она, задерживая дыхание, давя в себе подступившее чувство тошноты.

– Большой секрет! – муж таинственно покачал головой.

Жадными и соскучившимися глазами Махмед-бек ощупывал ладное тело жены, прикрытое одной прозрачной тканью сорочки. Вожеление росло и поднималось. Он до умопомрачения ее любит, любит...

– Даже для меня? – лукаво прищурилась жена, приподнимаясь.

Тончайшая материя, скользя, поползла с плеча, приоткрывая упруго выступающую часть нежного тела, обнажая тугую грудь.

– Для тебя – нет, моя сладкая радость, – мужская рука не выдержала пытки соблазном и забралась под просторную рубашку из китайского шелка, задирая ее, открывая упругий живот, обнажая крепкие груди. – Мы все силы двинем на Русь, отомстим им, проучим за прошлый набег.

Несмотря даже на то, что она сама сознательно провоцировала мужа, Суюм были неприятны его прикосновения. Особенно отвратными они казались после того, что она испытала в день своей неудачной охоты.

Если ей Махмед-бека не остановить, то он через мгновение овладеет ею, и сделает это, как всегда, очень грубо, заботясь только о себе. Как ее муж не похож на чуткого и внимательного к ней Ахмеда.

Частое и прерывистое дыхание приблизилось, грузное тело Махмед-бека всем своим весом навалилось на нее. Его слюнявый рот коснулся ее лица. От мужа несло тошнотворным смрадом. Как все ненавистно...

– Ой! – громко вскрикнула и деланно поморщилась она, изображая на своем бледноватом лице невыносимо болезненные муки.

– Прости, радость моя, прости, – забормотал муж, отпуская материю ночной сорочки и поднимаясь. – Я забыл. Тебе нужен покой.

Раздосадованный Махмед-бек вышел из спальни. Грубый и громкий голос его постепенно удалился, направляясь в другую комнату.

Скоро за ним следом покорно скользнула привезенная им с собой девочка-рабыня, недавно подаренная ему эмиром. Бек не сплеховал и не сильно расстроился. То, что ему невозможно взять от красавицы жены, всегда можно с лихвой заполнить от других женщин.

Новая вера вполне позволяла. И прежняя вера, к слову сказать, того мужчине никогда никак не запрещала. Все земные законы придумывают люди. А Пророк, отнюдь, не был у них слабой женщиной...

Через день Махмед-бек уехал, обещав привезти ей из похода дорогие подарки, новую рабыню-служанку и еще много чего по мелочам.

Лишь через неделю, ничуть не раньше смогла Суюм выполнить свое обещание и появилась в доме ученого муллы-улема.

Она слегка прихрамывала на поврежденную ногу и помогала себе при ходьбе тросточкой, вырезанной из слоновой кости. Вошла жена бека и выпрямилась, расправила гордые плечики.

– Приветствую тебя, почтеннейший...

– Проходи, ханум...

В тот день на женщине вместо ставшего для нее привычным наряда для верховой езды были легкие шальвары малинового цвета, завязанные у щиколоток. Озорно выглядывая, штаны виднелись из-под золотисто-алого шелкового халата и почти скрывали под аккуратно выделанными складками фиолетовые сафьяновые туфельки на высоких и красивых каблуках. Прелестную женскую головку украшала низкая, искусно вся расшитая жемчугом шапочка из малинового бархата.

– Как твоё здоровье? – с приветливой улыбкой на лице осведомился гостеприимный хозяин. – Как чувствует себя наша ханум?

– Слава Аллаху, – тепло улыбнулась Суюм. – Пошло на поправку. Почтеннейший, ты обещал поведать мне про Русь.

– Я помню, ханум...

Поглядывая на гостью слегка прищуренным глазом, ученый мулла устроил для нее удобное сиденье из мягких подушек.

– Присаживайся, ханум. Разговор будет долгим. В двух словах про все и не скажешь. Я кое-что тебе приготовил.

– Говорят, – прекрасные глазки Суюм вопросительно расширились, делая еще привлекательнее их счастливую обладательницу, – что сей народ существовал задолго до рождения Христа и старше нашего?

– Как тебе сказать, ханум, – мулла неопределенно пожал плечами. – Достоверных источников не сохранилось. О тех временах мы можем судить токмо по летописям. Но их, ханум, пишут люди. Чьи слова легли на бумагу, чьи мысли они донесли, как нам про то знать...

– А ты, – женщина подалась вперед, – видел их своими глазами? Читать их тебе доводилось?

– Видел, ханум, и читал. И даже кое-что для себя интересное списал с них. Однако писали их, как я говорил, люди, и, думается мне, кое-где шли они против правды. Но про то тебе, ханум, станет ясно чуть позже. Если у тебя хватит терпения дослушать все до самого конца.

Чуть моргнули пушистые реснички, и легкая улыбка тепло тронула женские губки. Они, убеждая, быстро зашевелились:

– Хватит, хватит...

Ученый улем огладил степенную бородку, вздохнул:

– Приступим, ханум. В самом большом городе русичей, в их Киеве, говорят, жил летописец Нестор. Должен я сказать, что он вельми скупо упомянул об их древности, либо сам он не ведал ее. Он лишь вскользь упомянул, что славянский народ пошел от библейского рода Иафетова. Но толком ничего и не сказал он о многих доселе прошедших веках.

– Видать-то... – веселые искорки, затухая, проскользнули в женских очах. – Видно, сказать ему было особо нечего. Оттого и скуп оказался на описания того, о чем сам ничего не ведал...

– С первых страниц он перечислил, какие знал, славянские племена, где они обитали перед призванием, как Нестор пишет, на Русь варягов.

Напрягая память, женщина прищурилась:

– Я, помнится, слышала о варягах, но ничего толком не поняла.

– Варяги, ханум, скандинавское племя, вождей которых, по словам Нестора, и призвали для того, чтобы они правили Русью.

– Зачем же они позвали чужаков? – удивилась сестра эмира, никак не понимая, как можно самим добровольно передать, отдать свою власть.

Женская бровь шевельнулась. Что касемо ее самой, ее взяли, просто кинули в жертву. И все ради сохранения своей власти...

– Имей терпение, ханум, – улем понимающе кивнул, постигнув всю степень ее недоумения, – выслушай до конца. Иначе до истины мы....

– Извини, почтеннейший...

– Из старых князей Нестор упомянул одного Кия, братьев его Щека и Хорива, да сестру их Лыбедь. Будто жили оные князья, и от имени их старшего брата пошел и сам Киев. Но есть у меня, да и у других в том большие сомнения. Само же повествование свое Нестор ведет от первых князей Рюриковичей. Мнится мне, что именно с их слов, именно по их указке он и писал. В Великом Новгороде я нашел иное повествование...

– Ты и там бывал? – женщина чуть сузила левый глаз.

Суюм устала удивляться. Одно чудное открытие шло за другим.

– Довелось. Летописание там началось намного раньше. И первым у них летописцем слыл епископ Иоаким. Муж, должен тебе поведать, по тем временам вельми просвещенный, живший в одни года со святым князем Владимиром, крестителем Руси, на ее землях особо почитаемым. Выходит, ханум, что лет за сто до Нестора. Собрал купно и записал все, что им было ведомо о славянах и о прошлом Новгородской земли...

Ежели верить ему, оставившему потомкам свои труды, были будто, жили в те далекие незапамятные времена два могучих князя: Славен и Скиф, братья родные, которые со временем повоевали все земли, что лежали по Дунаю реке и по берегу Понта, как называлось тогда Русское (*Черное*) море. После того Скиф со своим племенем осел в Таврии и на землях промеж Днепром и нашим Итилем, которые русские прозвали Волгой. А сам же Славен, оставив на Дунае за себя князем сына своего Бастарна, пошел на полночь, на север, и, дойдя до берегов Варяжского (*Балтийского*) моря и Ильмень-озера, основал великий град Славянск.

– И где он оный град? – женские глаза озадаченно расширились. – На карте, утверди Аллах мою слабую память, нет ныне оного.

– Может, ханум, то и есть Новгород. Но мыслю я так, что сей град давно сгорел, либо вороги его разрушили до основания. И после на его месте либо же вблизи него выстроили славяне другой град и назвали его Новым городом.

– Оттого, видно, и пошло название «Новгород»...

– Возможно, ханум. Далее Иоаким повествует нам о том, что много сотен лет княжили потомки того Славена, имена коих за древностью лет давно все забыты. Но лет за четыреста до того, как правил Гостомysl, сидел будто в Новгороде князь Вандал из того же славного рода.

Новое имя всколыхнуло память, и Суюм заинтересовалась:

– Почтеннейший, прости, он не из тех вандалов, что разрушили Рим? Слышала я: «Рим разрушили вандалы...».

– Думаю, ханум, что все те сказы надо понимать несколько иначе. Не князя оные жили на земле, а народы: славяне, скифы, бастарны и вандалы. Либо их еще кличут венедалами или же венедами. А вот, что пишет Иоаким далее, уже похоже на истину. Было у Вандала три сына, меж которыми отец поделил свои земли. Избор и Столпосвет княжили недолго и померли. И Владимир остался единым на оной земле князем.

По смерти Владимира, пишет Иоаким, правили его потомки, из коих аж в девятом колене был Буриной, отец Гостомысла. Родился он, если посчитать, не более как за сто лет до призвания Рюрика и уж о его-то деяниях Иоакиму было известно достоверно.

В княжение Буриной нурманы почали беспрестанно нападать на Новгородскую землю, и вся жизнь его прошла в войнах с ними. В конце он потерпел поражение от них, потерял почти все свое войско, бежал в землю карельской чуди, где недолго и помер. И только Гостомysl побил их, изгнал из Новгорода и прогнал за море. А на берегу выстроил для заслона город Выбор (*Выборг*), по имени старшего сына своего, павшего в битве на том месте. Посуди сама, ханум, кому верить, кому из двоих лучше всего знать истину: новгородскому тому епископу, по времени жившему не столь далеко от описываемых событий, или же монаху Нестору, который спустя два века писал в Киеве всякое...

Сосредоточенно нахмурившись, быстро-быстро перелистывая свою тетрадь, ученый мулла нашел то самое, нужное ему, место и прочел:

– *Изгнаша новгородци варягов за море и почаша сами собою володети. И не быша средь них правды, и встал род на род, и быша у них усобица великая, и почаша сами с собой воевати...*

– И, – глаза у Суюм сузились, – потому-то и призывали они варягов?

– По Нестору, ханум, и выходит, что новгородцы решили призвать варяжских князей, чтобы те пресекли у них усобицы и дали им порядок.

Никак не понимая столь неразумного и недальновидного, с ее точки зрения, шага, женщина покачала укоризненной головой:

– Неужто, столь вольный народ смог бы терпеть на шее иноземцев?

– И я так, ханум, разумею.

– А что пишет на оный счет Иоаким? – Суюм чуть повернула голову вбок, а левая бровь ее вопросительно изогнулась.

Интересно стало ей знать, что мыслил новгородский летописец по тому не столь простому вопросу.

– А Иоаким вещает, что ни малого беспорядка, ни дрязг и усобиц в Новгороде на ту пору не чинилось.

– И кому верить? – женщина озадаченно улыбулась.

– Послушай же далее, ханум. Было у Гостомысла четыре сына и три дочери. Сыновья один за другим померли и потомства не оставили. Дочерей всех выдали за соседних князей. И когда почуял сей Гостомysl дыхание близкой смерти, стал он размышлять, кому передать ему свое княжение. Вестимо, он хорошо понимал, что если еще при жизни своей дела не урядит, то после начнется промеж новгородцев междоусобица и придет в скорбный упадок вся их многострадальная земля...

На памяти людской много подобных примеров, всех и не перечесть. Знала про то и Суюм из рассказов царственного брата своего.

– И что же он надумал? – живо поинтересовалась она.

– Будто привиделся ему вещий сон про то, как из чрева средней дщери его Умилы выросло огромное древо, сенью своей покрывшее и плодами своими напитавшее всю славянскую землю. Волхвы-колдуны растолковали его сон: мол, надлежит княжить в Новгороде сыновьям Умилы, многочисленное потомство ее принесет славу и процветание славянскому народу. И послали новгородцы послов своих к племени варягов по прозвищу руси, поскольку за их князем была Умила...

– Выходит, что призвали они к себе не иноземцев, а... своих же, как мнится мне, ближайших родственников...

– Да, ханум. Не нурманских князей, исконных своих врагов, а внуков родных и наследников старого князя своего Гостомысла.

– Поведай же мне, почтеннейший, где же обитало племя оное русов? Прежде чем оно пришло вместе с Рюриком в Новгородскую землю...

– Народ русов, некогда весь кучно живший близ Волги и Дона, на берегу Понта, задолго до Гостомысла поделился на многие племена, кои разбрелись в разные стороны, осели на новых землях. Те, что осели на берегах Днепра, его притоках, стали вскоре зваться полянами, вятичами и радимичами. На полночь сели от них кривичи. На заход солнца сели дулебы и дреговичи.

– И поселились они, где и куда теплее? – предположила и высказала свою догадку Суюм. – Пospешили занять все самые лучшие земли. А те, что оказались не столь проворными, довольствовались остатками...

С улыбкой поведал мулла далее про племена, что дошли до берегов Варяжского моря, где издавна обитало много других славянских племен и народов. Были тут полабы, бодричи, лужичи, лютичи, велитичи...

– О, Аллах, сколь их! – невольно воскликнула женщина, перебивая учителя. – Как все упомянуть?

– В том и нет великой нужды, ханум. Просто надо постигнуть, что не токмо одно варяжское поморье, но и все земли по большим рекам Одрин и Лабe (*Одер и Эльба*) были в ту пору славянскими.

– Почтеннейший, в разговоре со мной ты обмолвился, что имеешь ты карту заморских земель. Покажи...

– Да, ханум. Спасибо, что напомнила мне, – мулла достал с полки большую скрутку, лежавшую без применения и изрядно запылившуюся, развернул ее и повесил на стену.

Опираясь на трость, Суюм поднялась и подошла ближе.

– Погляди-ка сама. Весь край сей издревле был засеян сими самыми славянами. Глянь, сколько городов они понастроили: Зверин, Гомбор, Любица, Шецин, Гданск, Браний бор, Бер-

лынь (*Шверин, Гамбург, Любек, Штетин, Данциг, Бранденбург, Берлин*) ... Оные среди них лишь самые важные. Много других и за час не перечесть.

– Но я вижу, что там нынче живут другие народы.

– Да, ханум. Если бы все сие народы-братья держались едино, их не осилил бы никакой враг. Но единства и дружбы промеж ними не было, и потому их порознь повоевали немцы. То самое же могло произойти и с нами, если бы ты, ханум, прости меня за столь дерзкие слова мои, не пошла бы замуж за нашего бека. Нас, ослабевших, или Русь сломила бы, либо половцы нас в полон взяли бы, либо другой кто нашелся.

– Выходит, что мой брат, – Суюм усмехнулась, нервно передернув плечами, – знал, что делал?

Выдержав паузу, улем кивнул:

– Наш эмир – вельми мудрый правитель. И нашим благоденствием мы обязаны ему, ну и тому, что ты нынче сидишь возле меня. И мы с тобой тут мирно беседуем, а не находимся порознь в двух враждебных и воюющих лагерях и не мечем друг в друга каленые стрелы.

– Несчастливая доля, – с печальной усмешкой вздохнула благодарная слушательница, – одной слабой женщины, безжалостно принесенной в угоду государственным интересам. Но продолжи, почтеннейший.

– Видишь оный остров, – мулла ткнул пальцем в карту, – что почти прилепился к берегу Поморья? То Ругин или по-иному Руяна (*Рюген*). И до сих отдаленных мест добралась часть русов, не забывших своего древнего имени. Немцы прозвали их рутенами. Сами же славяне звали их русинами, либо ругами. Осели крепко. Выучились мореплаванию, стали совершать дерзкие морские набеги. По всем их повадкам легко спутать их с нурманами. Немудрено, что и в Новгороде звали варягами и сих, и оных...

На прекрасном женском личике проявилось некоторое понимание, и Суюм провела по своей щеке удовлетворенной ладошкой:

– Вот мы и подходим к тому, с чего начинали?

– Да, ханум. Надобно еще сказать, что в делах веры русы стояли во главе всего языческого славянства, и их стольный град Аркона был на ту пору для славян сродни тому, что Рим для папистов. Там зиждилось великое капище, в котором и стоял золотой идол с мечом в руке, Бог войны Световит. Дабы поклониться ему и послушать прорицания его жрецов, ехали туда не токмо ближние славяне, но и чехи и моравы, ляхи, сербы и иные. Вот туда-то новгородцы и послали своих послов, ибо Дион, муж Гостомысловой дщери Умилы, в ту пору княжил над теми русинами. Пораздумавши и внявши их слезному челобитью, он отпустил с ними своих сыновей Рюрика, Синеуса и Тревора с большой дружиной и с семьями оных самых дружинников. А что в Новгороде выселилось все их племя русов-варягов, то, мнится мне, сказки. Народ они были вельми множественным. Да и почто им всем было покидать столь удобное для жизненного существования место?

– Разумно ты говоришь, почтеннейший, – произнесла Суюм, глядя в окно, где за дальним бугром высился багрово-красный диск.

– Вот и пошло название русичей. Славный народ, ханум, славный...

Вид уходящего вдаль светила напомнил женщине про русского князя Владимира и про многое другое, что с этим правителем Руси повязалось. Суюм прищурила один глазок:

– Выходит, почтенный, оный народ достоин уважения?

– Все народы, ханум, достойны уважения...

Тоненький указательный пальчик задумчиво коснулся губ:

– Почто же, почтеннейший учитель, мы много знаем про них, всех своих соседей, а про наш народ не сохранилось таковых записей?

Ученый улем ответил не сразу, тяжело вздохнул:

– Сама ведаешь, ханум, в какое беспокойное время мы живем. Знамо велись записи и у нас, не могло быть иначе. Столько раз горели наши города, столько раз выжигали их дотла. Мыслится мне так, что следы нашей древней истории надобно искать нам в далеких чужих странах, в записях, оставленных путешественниками, посетившими наши края и позже перенесшими свои впечатления на бумагу.

Красиво изогнутая женская бровь чуть приподнялась, вопрошая:

– И где надобно искать, почтеннейший?

Машинально почесавшись в затылке, мулла пожал плечами:

– Трудно мне сказать, ханум. Большими знаниями обладают ученые с Востока, Арабистана, из Андалуса (Италии). Могут ведать про то и шпанцы. Слышал я как-то, что истоки нашего народа надобно искать чуть ли не в китайских летописях.

– Надо послать, все выписать... – задумчиво произнесла Суюм.

– Можно послать. Но ты сама понимаешь, ханум, время у нас худое. На путешествие не всяк решится без надежды на обратное возвращение. И где уверенность, что труд сей не будет напрасным? Случись новый пожар, и снова все сторит, ничего не уцелеет. Жизнь на брэнной земле порой ничего не стоит. Стоит ли говорить еще о чем-то другом, не столь важном для живота своего...

Да вот женщина думала несколько иначе. Ее мучил вопрос: ежели они ничего не оставят о себе и о своих предках грядущим поколениям, то как же их потомки узнают о них всю правду?

Глава VI. Булгары и русины

К себе, в свои покои, Суюм вернулась с самым твердым намерением осуществить задуманное. Людей верных она подыщет. Можно, к примеру, послать Ахмеда.

Вернется он с честью, когда выполнит ее поручение, эмир возвысит его, даст ему в управление новые земли, сделает его наследным беком. Вернет Ахмеду все утраченные неразумными предками положенные его роду привилегии. Правда, сколько времени на поиски может уйти...

Ученый мулла говорил, что такое путешествие может занять не один год и не два. Десятилетие, а то и более может протянуться оно.

А ежели с ним в дороге что худое случится? Простит ли она себе то, что послала любимого человека, возможно, на верную гибель...

– Суюм, свет очей моих, – вдруг послышалось ей, и мужские руки опустились на ее вздрогнувшие плечи так неожиданно, что она замерла, на мгновение испугавшись, потеряв ход своих мыслей.

– Как ты вошел? – женщина растерянно оглянулась. – Ты знаешь, чем рискуешь, появляясь на женской половине? Тебе отрубят голову...

За прелюбодеяние в их Священной книге Коране предусматривалось строгое наказание. И мужчине, и женщине назначалось по сто ударов кнутом. Кроме того, женщину пожизненно заключали в тюрьму.

Но у них-то случай особый. Решение примет сам эмир. А вот в том, насколько сурово оно будет, сомневаться особо не приходилось. Кроме того, женщину пожизненно заключали в тюрьму. Но у них-то случай особый. сто ударов кнутом. х всю правду?

– Суюм, дорогая...

– А ты подумал о том, что станет со мной? Ты хочешь, чтобы меня завтра, как неверную жену, засунули в мешок вместе с дикими кошками и сбросили в воду? А перед этим самым прилюдно отстегали плетью у позорного столба... Если тебя увидит начальник стражи?

Страх, один лишь безотчетный страх застыл на прелестном ее лице. Но он нисколько не портил ее, а лишь придал еще большее очарование.

– Сегодня, моя светлоликая госпожа, – жаркий и уверенный мужской шепот начал вселять в нее угасшие силы, – я заступил начальником стражи. Со мной токмо мои проверенные люди. В течение ближайших суток дворец в полной моей власти.

– А моя служанка? Она все донесет моему мужу, – Суюм покачала головой. – Я не верю ей...

– Ты хочешь посмотреть на нее? – Ахмед непонятно усмехнулся, и женщина, глядя на него, невольно заподозрила неладное.

– Твои люди, – глаза ее испуганно расширились, – сотворили с нею нечто непотребное и неугодное Аллаху?

– Женщина сама, – Ахмед неопределенно пожал плечами и странно улыбнулся, – захотела того. Мой слуга пошел навстречу ее желаниям. Идем, ты все увидишь своими глазами. Ей сейчас вовсе не до того, чтоб усердно следить за тобой...

Неслышно ступая, сама не понимая, как ее уговорили, Суюм шла и шла, безвольно вложив свою ладошку в крепкую руку, за начальником стражи, хранившим на своем лице таинственное молчание.

Осторожно отодвинулась в сторону легкая занавесь. Две бесстыдные тени недвусмысленно двигались на смятой постели.

– О, Аллах! – горячо прошептала Суюм. – До чего способны дойти мужчины в осуществлении своих темных желаний.

– И как же столь охотно отвечают на них скромницы-женщины, – усмехнулся Ахмед и подхватил повелительницу на свои крепкие руки. – Забудь, забудь обо всем...

Чувствуя, как на ее щеках проступает жаркая краска, Суюм закрыла глаза. Может, он и прав. Надо забыть обо всем. Она и так уже слишком дорого заплатила, чтобы и нынче отказывать себе во всем.

Почему другим все можно, а ей нельзя? Она что, больше всех боится гнева Аллаха? Нет-нет, она так не говорила! Оное все происки шайтана, шайтана! Но как неописуемо хорошо ей и сладко, сладко...

Последний солнечный лучик, убегая, робко скользнул по стенке и бесследно, предвзрительно окрасившись в ярко-красный цвет, стыдливо исчез. Тихо надвигались и опускались темные сумерки.

– Ты поступаешь неосторожно, забыв о своих обязанностях главного стража дворца, – тихим голосом попеняла женщина лежавшему рядом с нею мужчине.

– Я скоро, я скоро вернусь, радость и улада моих глаз, – Ахмед вскочил и быстро облачился, поправил на себе снаряжение.

– Встретимся в малой комнате для приема гостей, – Суюм весьма предусмотрительно упредила мужчину. – Здесь ты больше никогда не появишься, – повелительным голосом добавила она, давая ясно понять, что все происходящее с ними отнюдь не исключает соблюдения рамок приличий и, скорее всего, продолжения иметь больше не будет.

– Я понял тебя, госпожа. Слушаюсь и повинуюсь, – страж ее покоя согнулся в низком поклоне. – Твое слово – закон!

«Да хранит нас Аллах», – прошептала женщина вслед уходящему мужчине. Пусть и гореть ей в аду в той и никому неведомой жизни, но этот день навсегда останется с ней...

Немного времени прошло, и вот Суюм с холодным и неприступным видом на своем прекрасном лице непринужденно сидела в комнате для приема гостей и слушала продолжение увлекательного рассказа про город Киев – столицу русов и красивейший город.

Ученый мулла поведал женщине про саму историю его создания и про многие народы, на том самом месте издревле проживавшие.

Почтеннейший Фатих подготовился к встрече с госпожой и успел многое подобрать из своих записей. С благоговейным трепетом держал он в руке список с одного очень редкого документа и с вдохновением повествовал об одном весьма в свое время известном человеке...

...Микаэль Башту – автор дастана «Шан кызы», болгарский поэт, политический и военный муж Волжской Булгарии родился близко лета 835 и умер на исходе века. Он происходил из знатного болгарского рода Синдж (*в болгарском произношении – Синтяу, Тинтяу или Тимтяу*).

Предок Синдж вышел из Индии, вел бойкую торговлю в Хорезме. Его потомок, принявший мусульманство, Габдулла Табир, перебрался в первую столицу Хазарского каганата на Северном Кавказе – Семендер.

Сын Табира, Шамс, переселился в Поднепровье в ставку черных (*западных*) болгар Айдара – город Башту, основанный в эпоху Великой Булгарии младшим братом хана Кубрата Шамбатом, получившим имя Кий и давшим новое название городу Башту – Киев.

Шамс занимал в Башту пост тебира царской канцелярии. Микаэль принял этот пост после ухода отца в скит. Он завершил начатый отцом перевод официальной письменности со старых болгарских знаков «куниг» (*руны*) на арабское письмо.

В лето 840, как гласит летопись, Микаэль Башту провел перепись населения Кара-Булгара (*Черного Булгара – удела Кыя*), определив число дворов, плативших налоги в виде одной куньей шкурки, в 173 тысячи.

После разгрома восстания против хазар в Башту в лето 863 Микаэль оставляет государственную службу. И он удаляется в пещерный скит-ханаку, основанный его отцом, где в лето 865, как сказано в летописи, получив вдохновение свыше, он начал писать дастан «Шан кызы».

Мусульмане-булгары, разделившие все его тяготы, напомнили ему древние сказания, и они были положены в основу поэмы.

Сей дастан писался Микаэлем на семиреченском диалекте тюркского языка арабскими письменами. В лето 880 или близко к тому переходит он на службу в Булгар, где занимается просвещением.

В последние годы жизни Микаэль Башту занимался организацией булгарского монетного дела и поисками месторождений железа, золота, серебра, меди и драгоценных камней на Урале. Микаэль не раз плавал по Чулман-су. В лето 900 он отправился в свою последнюю поездку на Урал и во время ночной бури утонул в Агидели (*Белая*). Тело было перевезено в Булгар и погребено в основанной им ханаке...

Вошедший в комнату для гостей начальник стражи замер у порога в почтительном поклоне, не смея нарушить своим докладом парившее по покоям и плавно распространяющееся поэтическое очарование давно уже прошедшего времени...

Друзья, послушайте дастан
О трех эльбирах.
Сей дастан вы от меня примите в дар
И вспомните отцов-булгар.
Дастану, право, донести ль
Преданья о земле Атиль,
О лучшей из подлунных стран,
Узревших Бога сквозь туман...

В тяжелый год, в кровавый спор,
Когда поднялся Бат-Угор,
Писал дастан поэт Башту,
В слова вдохнувший красоту.
В слова преданий старины,
В них голоса людей слышны.
Путь к истине не близок путь,
Но все же есть в дастане суть...

...История предшествующей и современной мировой науки богата на отрицания сведений, которые по тем или иным причинам не входили в системы знаний исследователей или были крайне неудобны для всех ранее общепринятых, удобных для нынешних современников теорий, а потому напрочь отвергаемых, как имеющих право на существование.

В качестве неоспоримого примера достаточно вспомнить еврейско-хазарскую переписку X-го века, а пространная редакция письма царя Иосифа до сих пор вызывает ожесточенные споры.

Но вот только подлинность самого источника подтверждается современными археологическими данными.

К такому же кругу дошедших до наших дней источников можно отнести и «Велесовы книги» – книгу новгородских жрецов девятого века, посвященную богу богатства и мудрости древних славян Велесу, подлинные тексты которых утрачены.

Однако изложенные в них сведения активно и весьма неоднозначно обсуждаются в научных и околонаучных кругах.

Не меньше сомнений и споров на протяжении более столетия вызывает «Аноним Газе» («Записка готского топарха») и даже «Слово о полку Игореве». Нельзя однозначно или отрицать, или же признавать любой письменный и археологический источник, каким бы спорным ни было его происхождение... (Примечание автора)

Не проявляя признаков нетерпения, напротив, затаив свое дыхание, молодая женщина слушала куплеты, пока почтенный Фатих не дошел до самого интересного:

Потом по приказу
Кана и балтавара Булгар
Курбата Башту
Его младший брат Шамбат
Возвел на Куянтау крепость Башту.
Отсюда Шамбат по приказу Кана
Пошел на Сулу и основал там
Свое царство Дулоба.

За отказ вернуться на службу
Кан Курбат
Прозвал брата
Кыем – «Отрезанным», «Отделенным».
Но когда фаранги
Выбили Шамбата
Обратно в Булгарию —
Все же вернул ему крепость Башту.

С Шамбатом пришло в Башту
Неисчислимое множество народа ульчиев.
Смешались здесь с саклинским племенем русое
В один народ храбрых руссов.
Любили русы Шамбата,
Поклонялись ему, как Богу.
Назвал город Башту его прозвищем Кый,
А крепость Башту – его именем Шамбат...

Долго в комнатке для гостей хранилась тишина, нарушить которую могла позволить себе лишь сама хозяйка. Но и она хранила молчание, собираясь с мыслями. Немыслимо! Если верить списку, то стольный град русов заложили их предки булгары. И жили они там бок о бок с другими многочисленными народами, жили в полном согласии...

– Скажи, почтеннейший, отчего же наши народы не могут жить в мире? Если, как мы про то слышали, наши предки вовсе не враждовали?

Умудренный опытом мулла-улем не стал отвечать женщине прямо, а начал вести речь издалека:

– История нашего государства Великих Булгар, как мнится то мне, ханум, представляет собой одну из значительных и интересных страниц из жизни народов. Объединив многие племена, жившие на Итиле и на Чулман-су, иные народы далеко за их пределами на полдень и на заход солнца, государство булгар сыграло важнейшую роль в образовании нового булгарского народа. Город Булгар вскоре стал общепризнанным центром торговли, где сходились купцы из самых разных, далеких и близких стран – Византии, Арабистана, Хорезма, Руси

и Китая. Но сие, ханум, увы, нравилось не всем. Им не давали покоя наши богатства. Два столетия наша торговая деятельность терпит большой урон от наших воинственных соседей. В своих летописях русичи сами про то пишут, что были на Волге и на Оке реках разбои и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгары же присылали к князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников и, не получая на них управы, пришли с войском, Муром взяли и пограбили, а села пожгли. О том находим мы след и в хорошо уже знакомой тебе, ханум, Ипатьевской летописи: «В лето 6596 (1088) ... В се же лето взяша Болгаре Муром...». Порой наше миролюбие на Руси принимали за нашу же слабость, а потому походы русичей на наши земли становились все чаще. Изредка, но и мы им крепко отвечали: «В лето 6615 (1107) ... Того же лета чудо сотвори Бог и святая Богородица в Суздальстей земли. Приидоша болгаре ратию на Суздаль, и обступиша град и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многих от христиан...».

...С самого начала XII века, с укрепления Владимиро-Суздальского княжества, начинается ряд походов русских князей против булгар. «В лето 6628 (1120) Георгий Володимерич ходи на Болгары по Волзе, и взял полон мног и полкы их победи и воевав приде поздорову с честью и славою». Столь упорная, лишь на некоторые годы чуть притихающая, но непрекращающаяся борьба соседей объясняется не только самим характером господствующих междоусобных отношений, но и упорно непреодолимым желанием многих русских князей как-то раз и навсегда положить конец торговому превосходству булгар.

Однако эти многочисленные походы русских, по большому счету, не смогли нарушить торговой деятельности болгарского государства. Торговый путь на Восток все еще оставался в его руках...

Настоятельная необходимость защиты от злых набегов русских княжеских дружин, устремившихся к Волге, все же заставила булгар не ограничиваться только укреплением отдельных населенных пунктов, но и при этом прибегнуть к созданию целых оборонительных линий.

Именно такого рода защитным сооружением являлся вал, идущий от города Булгар через Куралово современного Спасского района и до Бураковского района. Этот вал, длиной более 10 верст, перегораживал собой полосу между речкой Ахтай и рекой Бездна, протекающими параллельно с юго-востока на северо-запад.

Берега этих рек, довольно болотистые и по настоящее время, в древности при всем обилии нетронутых человеком лесов были, по всей вероятности, вообще непроходимыми...

Вторую же линию аналогичных укреплений составляли городища по верхнему течению реки Ахтай и к югу от нее, в верховьях реки Майна, находившиеся у деревень Караваево, Каргополь, Бабаевы Челны, Старые Нократы, Матаки, Иштубаево, Рысова поляна.

Однако эти городища валом между собой соединены не были. Эта линия должна была прикрывать область верховьев реки Черемшана, где находилась в то время столица Великой Булгарии – город Биляр, географический центр страны... (Примечание автора)

Глава VII. Подарок эмиру

Царственная гостя ушла из мастерской кузнеца и оставила после себя невидимое хрупкое очарование случившегося и свершившегося на их глазах чуда.

И лишь по истечению немалого времени Гали Тимер в отчаянии схватился за свою бедовую голову.

– Беда, беда! – запричитал кузнец.

Совсем забыл мастер про ножны. Как же он отдаст Принцессе вещь, не доведенную до логического совершенства? Своими тревогами мастер поспешил поделиться с умницей-женой, советов которой он слушался больше, чем слов всех остальных умников на их свете вместе взятых.

– Хочешь, Гали, – весьма умело и тактично предложила женщина мужу, взглянув на него своими умными и добрыми глазами, в которых, кроме теплой любви, присутствовали и уважение к главе семьи, и самое непосредственное желание сохранить в доме мир и покой, – я сбегая и приведу моего брата Булата? Что скажешь?

– Да, хатын, – обрадовавшись, закивал и улыбнулся кузнец, сам так и не додумавшийся до самой простой вещи. – Вдвоем мы сладим.

Поняв пришедшую к нему в его мастерскую родную сестру с первых же слов, мастеровитый родственник не медлил и сразу же откликнулся на горячую просьбу о помощи. Спешно прибежал он впереди посланной за ним женщины, намного обогнав ее.

– Вай-вай-вай! – одобрительно закачал он головой, глянув на узкий клинок. – Сестра мне все рассказала. Мыслю я, Гали, что птица счастья, наконец-то, взмахнула нынче своим крылом над твоим домом. Нам бы хоть толику твоего счастливого везения...

– Не скромничай, – Гали весело щерился, приходя в относительно хорошее расположение духа. – Тебе ли сетовать на свою судьбу? Ты у нас один из лучших мастеров. Тебе подвластна медь. Ты волен творить из нее все, что тебе заблагорассудится. Твои, Булат, изделия из бронзы продаются далеко за пределами нашей Булгарии. Товар у тебя никогда не залеживается. У тебя скупают подделки на корню. Слышал я, что ты обеспечен заказами на год вперед. И цену за бронзу ты берешь сразу.

– Твоя тут правда, жизнью (зять, муж сестры), – расхваленный на все лады родственник скромно потупился.

Знал Гали, что именно в их случае маслом кашу не испортить. После изрядной доли похвалы Булат нос не задирал. Напротив, он с утроенной силой брался за работу. Так что, хитрый умысел со стороны хозяина в его словах присутствовал, да еще какой...

– Что скажешь, чем нам поможешь? – спросил кузнец, переходя от пустых и ничего не значащих слов к важному и неотложному делу.

– Придумаем, жизнью, – степенно ответил Булат, оглаживая густую бороду, сознавая всю значимость момента.

Все ждут его слова. Именно от него все зависит. Что скажет он, так и сделают, со всем старанием выполнят.

– Малай! – крикнул он, подзывая к себе вернувшегося Заки. – Беги ко мне в мастерскую и неси сюда все, что я тебе скажу...

Кидая в сторону брата жены, увлекшегося захватывающей работой, заинтересованные взгляды, Гали мастерила в своем уголке наборную рукоятку для кинжала из отдельных тоненьких кружков предварительно распиленной слоновой кости. Кусочек бивня он к тому часу уже успел выторговать в соседнем ряду, расплатившись за него настоящей золотой монетой, чем, надо сказать, привел торговца в нешуточное удивление.

Китайский купец прищурил свои и по жизни донельзя узкие глазки. Чтобы и у перебивающегося с проса на воду Тимера появилась звонкая таньга из благородного металла? И для чего ему, спрашивается, срочно потребовался весьма дорогой материал для ручек его кухонных ножей?

Нет ли в столь необычном заказе спрятанной от всех тайны? Кузнец уходил, а за его спиной нарастал изумленный гул...

А Булат в это время сосредоточенно колдовал над бронзой. Но для начала он, к немалому изумлению хозяина, взял в левую руку деревянную палочку и начал из нее с важным видом выстругивать непонятно что.

– Братишка, ты чего творишь-то, а? – не выдержал Гали и взмолился, взывая шурина к совести. – Играться ты ко мне пришел? У меня голова кругом идет, а ты...

– Тукта, жизней, син ашыкма, – Булат рассмеялся. – Стой, зятек, ты не торопись. Всему свое время. Придет черед и до металла.

Выстругав точную копию клинка, он взял в руки тонкую и мягкую бронзовую пластинку и принялся неторопливо и аккуратно сгибать ее в узкую трубочку.

Затаив дыхание, Заки во все глазища смотрел на своего дядю, боясь пошевелиться и обнаружить свое присутствие в кузне.

Чуть что, и его запросто выгонят, и он не увидит самого главного – рождения еще одного чуда, второго за еще не закончившийся день...

В умелых руках работа спорится. Не столь много времени прошло, и нужная заготовка для ножен была готова.

– Ладно, жизней, – Булат выпрямился, – ты пока можешь приступать к закаливанию клинка, а я-то пойду к себе в кузню. Всех необходимых мне инструментов к тебе не перетащишь. Тут еще пайка нужна...

– Не забывай ты, братишка, – Гали, воспользовавшись моментом для небольшого отдыха, степенно разогнулся и поспешил напомнить, – что они мне нужны к раннему утру.

– Курукма, жизней, ты не беспокойся. Обещал, не подведу. Малай, – Булат заметил в сторонке пару внимательно наблюдавших за ним глаз, – пойдешь со мной? Поможешь, чему хорошему заодно научишься. Кто ведает, может, приобретенное умение в жизни и пригодится тебе...

– Я? – Заки, еще не веря своей удаче, пружинисто вскочил. – Абый (дядя), ты не шутишь? Ты мне говоришь?

– А у тебя есть еще кто-то из братьев? – хитровато прищурившись, спросил гость. – Может, я кого-то у вас ненароком не приметил?

Оглянувшись родственник и в шутку повертел головой, заговорщицки подмигивая своей сестре, мол, когда уже успели другого народить да споро его вырастить, да ничего про то никому не сказать.

– Нет-нет, – зачастил мальчишка, и его вопросительные глаза тут же переместились на отца – последнее слово в их доме за главой семьи.

– Иди-иди, раз дядя сам тебя приглашает. Как закончите, принесешь домой. И душа у меня успокоится. Будь ночью осторожен...

Дошатая калитка их захлопнулась. Шаги удалились. Во дворе стало просторнее. Кузнец вздохнул, всей растопыренной пятерней почесался в затылке, воздал Аллаху должное за то, что тот дал ему родственника, толкового и отзывчивого, и неторопливо двинулся к двери кузни...

Всю ночь Айша плохо спала, ворочалась. Сильно ей хотелось, так не терпелось, что не было сил, чтобы скорее наступило утро.

Тогда она сможет увидеть своими глазами то, что сотворил мастер с ее клинком. А если нож ей не понравится? Пришедшая некстати дурная мысль вконец испортила все настроение,

и дева вскочила, закружилась по комнате, разгоняя въедливую тревогу и терзающие душу сомнения.

И вот долгожданные первые лучи постучались в ее оконце.

– Гюль, соня! Вставай! – подступила она к своей служанке.

– О, Аллах! – девушка быстро вскочила и по солнечному лучику на стенке определила время. – Госпожа, еще рано. В слободке еще спят.

Но разве можно человеку что-то доказать, если тому нечто прочно втемяшилось в его беспокойную головку и ничем оттуда не выбить?

– Гюль, я прикажу тебя выпороть! – Айша в нетерпении приподняла свой резко очерченный гордый подбородок, гневно сверкнула глазами, подтверждая, что она вовсе не шутит и от угрозы перейдет к делу.

– Вот она, благодарность, за все мои мучения, – проворчала девушка, впрочем, исключительно по прочно укоренившейся привычке.

Несмотря на весь свой несносный характер, госпожа ее любила и в жизни не позволила бы кому-то другому даже пальцем до служанки дотронуться. А страшает Айша и пугает ради остратки, по той самой давно заведенной привычке, свойственной всем избалованным детям.

Не ахти далеко успел продвинуться светлый луч на зеленом ковре, а они проворно оделись и зашагали по длинному коридору. Через заднее крылечко девушки выскользнули и попали на внутренний дворик.

– Госпожа, – старший конюх глядел на Айшу виноватыми глазами, мелко трясся от охватившего его не показного, а настоящего испуга.

Он приготовился, смирился с тем, что их Принцесса разгневется и прикажет его примерно наказать. И никто не осмелится не исполнить ее повеления, хотя строжайший приказ поступил от главного визиря.

– Где наши лошади? – Айша повела негодующим взглядом.

Ее вид недоумевал и вопрошал о том, кто посмел не выполнить ее распоряжения, срывая все ее планы. Кто посмел перечить ее воле?

– У тебя сон отшиб всю твою недолгую память?

– Госпожа, – едва различимо прошептал конюх, – я не могу тебе дать сегодня лошадей...

Трусливый язык его не поворачивался сказать, что есть повеление самого эмира. Он стоял и смотрел, как медленно-медленно наливаются прекрасные девичьи глазки бешеной кровью необузданного гнева.

Не приведи Аллах кому-то другому оказаться на его месте. Отныне за свою жизнь он и ломаного гроша и то не решится поставить.

Почему же он не придумал заранее все свои оправдательные слова, с которыми откажет Принцессе в ее столь малой и ничтожной просьбе?

– Госпожа, – тихо шепнула служанка, – ты не забыла ли, что вчера сказала тебе твоя мать? Думается мне, что ветер запрета дует оттуда...

– Ой, Аллаам... – пробормотала Айша, – я и не подумала...

Ей стало невыносимо стыдно. Стыдно за свою забывчивость. За то, что из-за нее хороший человек стоит перед ней, трясется и обливается холодным потом подступившего страха. За всю свою неводержанность, гневливую горячность и вспыльчивость. Хорошо еще, что она не успела и не начала изрыгать из себя слова страшных угроз и проклятий.

Столько раз учила ее мать тому, что следует сначала хорошенько подумать головой и лишь потом начинать что-то делать.

– Мы поскачем в ремесленные мастерские. Или ты, – она вздернула вверх гордый носик, – хочешь, чтобы я шла туда пешком?

– Смилуйся, госпожа, – старший конюх, как подкошенный, упал на колени и распростерся ниц возле ее тени, своим прерывистым дыханием сдувая пыль с кожаных сапожков. –

Разве мог я себе позволить даже помыслить о подобном кощунстве? Я отдам приказ, и ваши лошади будут готовы, – тучная туша вперевалку покатила к конюшне.

Он тотчас отдаст такое распоряжение. Не дай того Аллах, язык и тот не проворачивается вымолвить оное, и Принцесса поедет к внешним воротам? Тогда его точно накажут, сдерут кожу с еще живого...

«Цок-цок-цок», – в утренней тишине отчетливо послышался стук копыт, и, ничуть не сомкнувший в эту ночь своих покрасневших глаз, Гали вскочил и примкнул к слеповатому слюдяному окошку.

Но разве через слюду можно хоть что-то углядеть? И когда он уже позволит-то себе поставить прозрачные окна из пластинок настоящего стекла? Кузнец тяжело вздохнул и покачал головой.

Может, если Принцессе понравится его работа, с того часа и пойдет его удача? Появятся деньги, а вместе с ними придет достаток...

«Тьфу, тьфу, тьфу!» – закрутился он на месте, сплевывая через левое плечо. «Сплюнь!» – всегда в таких случаях советовала ему мать.

А русичи, что к ним иногда заглядывают, проделывают заклинание аж трижды да еще усердно стучат пальцем по дереву.

– Глянь, госпожа... – едва слышно выдавил он из себя.

– Посмотрим...

Остороженько приняла Айша протянутый ей подрагивающими от волнения руками мастера клинок, и глаза ее восторженно вспыхнули.

– О, Аллах, ты услышал мои молитвы, – беззвучно прошептали алые губки, прекрасные сами по себе и лишь чуточку подкрашенные.

Изящные ножны ее клинка искусный мастер украсил серебряными пластинками, а на них черной зернью нанес рисунки. Отполированное и остро отточенное лезвие сверкало. Теплая на ощупь рукоятка пришлась впору и удобно уместилась на ее небольшой ладонке. Осталось ей лишь проверить, как поведет себя клинок в настоящем деле.

Повернувшись, Айша примерилась и одним неуловимым для чужих глаз движением кисти ловко метнула клинок в деревянную дверь.

Быстрая молния сверкнула в кузне, острие глубоко вошло в дерево, в неподвижно застывшей тишине раздался тонкий, звонко вибрирующий и постепенно затихающий звук. Вместе с ним мгновенно испарилась висевшая в воздухе томительная тревога.

– Ты настоящий мастер, – вымолвила удовлетворенная Айша.

– Могу я сказать два слова повелительнице? – Гали опустил голову в низком поклоне, и лишь глаза его выжидающе смотрели на Принцессу.

Возможно, и не его это вовсе дело, мнилось ему, но изготовленный им клинок станет еще дороже, а он сам от этого только приобретет.

– Слушаю тебя, – на лице девушки появилась благосклонная улыбка.

– Я ведаю мастера, который украсит ножны драгоценными камнями, а резчик выполнит на клинке любую надпись.

– Хорошая мысль, – согласилась Айша. – Ты достоин награды. Тебе заплатят, как я и обещала. У тебя есть весы?

Гали по прозвищу Тимер до самого конца так и не мог поверить, что ему отсчитают по весу столько золотых, сколько весит изготовленный им клинок. До тех самых пор не верил, пока жена не сбегала к соседке и не принесла весы. На одну чашу Айша бережно положила свое оружие, а на другой кинула увесистый мешочек с монетами. Стрелка закачалась из стороны в сторону и, останавливаясь, потянулась в сторону кошель.

– Э, тебе повезло, мастер, – хмыкнула наблюдавшая за колебанием маятника судьбы Айша. – Довесок – награда за добрый совет. Мир дому твоему. Пусть счастье осветит его своими благословенными лучами...

– Чай, чай, чай, – засуетилась хозяйка, приглашая гостей к столу.

Без церемоний Гюль подтолкнула замаявшуюся в нерешительности госпожу, не знавшую, насколько ей будет удобно сесть рядом вместе с простыми людьми к накрытому достархану.

С самого утра у нее во рту не побывало ни одной маковой росинки, и еще неизвестно, сколько придется ей помотаться, исполняя капризы своей своевольной повелительницы.

Голод, он, конечно, не родная тетка, и проголодавшимся девушкам самая простая еда показалась вкуснее любого заморского яства.

Не сразу Айша заприметила, как переглядываются, кидают друг на друга непонятные ей взгляды ее служанка и сын кузнеца Заки. Длинные и пушистые черные девичьи реснички озадаченно заколыхались. Они пришли в недоуменное движение. Им захотелось знать, что особенного, скрытого от глаз, нашла Гюль в глупом мальчишке.

На взгляд Принцессы, в том, каким запомнился ей парнишка, ничего стоящего внимания не имелось. Но, внимательно приглядевшись, она пришла к определенному выводу, что оказалась неправа в своей первой оценке. То накануне утром Заки, когда она смотрела на него сверху вниз с высоты своего седла, показался ей невысокого росточка.

Лукаво обманывали зрение его виновато сведенные плечи, покорно согнутая спина, его смятенные руки, не могущие найти себе места.

А нынче молодой парень приделся, распрямился от распирающей его гордости за отца. Лицо парня, окончательно потеряв все признаки беспокойства, преобразилось, озарилось внутренним светом.

Со всем вниманием заслушав отчеты казначея обо всех суммах, что были потрачены племянницей за последние два дня, эмир недовольно махнул рукой, отпуская своего верного слугу, бдительно стоявшего на страже его с трудом собираемого богатства, и надолго призадумался.

Слов нет, денег ему на дочь своей любимой сестры Суюм несколько не жалко. Но не привыкнет ли разбалованная с самого детства девчонка к неумеренному расточительству с еще столь юной поры?

А что, если на мгновение представить себе, ждет ее впереди? Нет, так дело дальше не пойдет. Он три раза громко хлопнул в ладоши:

– Пусть позовут ко мне мою любимую племянницу, – сурово сведя брови, распорядился он, когда в его покоях появилась согнутая до пола раболепная спина.

И Айша сразу догадалась о том, чем был вызван неурочный призыв к царственному родственнику. Векиль или же казначей, конечно, уже нашептали эмиру о том, что она потребовала для себя огромную сумму.

– Я слушаю тебя, абый, – невинное и простодушное выражение на девичьем личике подкупало своей естественной непосредственностью, и эмир не выдержал, скупно улыбнулся.

А вот тот, кто плохо знал повелителя державы, вряд ли смог бы назвать улыбкой суховато-пресную маску на его застывшем лице.

Но девушка сумела разглядеть припрятанную в его усах гримасу и поняла, что одержала над дядей небольшую победу.

– Мне доложили, – Юсуф, наконец-то, заговорил, и лик его снова принял соответствующий случаю строгий вид, – что за эти два дня ты порядком опустошила мою казну. Я допустил большую оплошность, дав указание своему казначею выдавать тебе любую запрашиваемую тобой сумму. И что ты мне ответишь? – эмир нахмурился и сдвинул брови, чтобы тем самым еще больше подчеркнуть крайнюю степень своего недовольства.

– Я, дядя, – умиротворяя, тихо зажурчал мелодичный серебряный голосок, – потратила деньги не впустую. Я купила себе...

Переводя дух, она на мгновение замолчала, поглядывая на дядю.

– Хорошо, – соглашаясь, кивнул эмир. – Вчера у тебя вещей стало на один сундук больше. С сим я еще могу примириться. Время от времени наряды следует менять. Но ежели набивать лари каждый день и с такой быстротой, как ты за оные дни, то скоро в моем дворце не останется и места, куда их ставить. Прикажешь его заново перестраивать? А сегодня утром ты потратила целое состояние. И что ты старательно прячешь за складками своего халата?

– Абый, смотри! – Айша шагнула ближе, вытянула клинок из ножен.

– О, Аллах! – изумленный эмир даже не счел необходимым в этот миг как-то скрыть от девушки всего охватившего его восторженного восхищения. – Дивная работа!

Толк в хорошем оружии Юсуф понимал. На первый взгляд, простой клинок скрывал в себе много достоинств. Одно неясно, достаточно ли крепок тот металл, из которого он изготовлен. Эмир перевел глаза на возбужденное личико племянницы, и снова теплая улыбка осветила его лицо. Уже за одно то, что юной девушке доставлена радость, он готов платить и дальше. Только был бы какой-то прок. Приподняв руки вверх, повелитель резко свел ладони, и послышались три громкий хлопок.

– Ты, – не глядя в сторону открывшихся дверей, небрежно махнул он вальяжно протянутой рукой, – надень на себя мавританский панцирь.

Покорный и преданный слуга незамедлительно выполнил приказ и выжидающе стоял, утешенно дыша, ни живой и ни мертвый.

Холодный пот маленькими капельками собирался на его низком лбу, прикрытом шлемом с откидывающимся забралом.

– Покажи, чему тебя научили, – эмир указал Айше на слугу. – Ну!

По резкому и повелительному тону эмира, не ожидавшая подобного поворота событий, девушка поняла, что сейчас говорит ей не родной дядя, а приказывает повелитель. И ослушаться его да еще в присутствии слуги никак нельзя. Сузив левый глаз, она взяла клинок в правую руку и, резко замахнувшись, метнула.

– А-а-а! – слуга исторг из себя истошный вопль дикого ужаса.

Со стороны могло показаться, что бедный человек закричал много раньше, чем холодная сталь очень глубоко проникла в его грудь, пробив оказавшийся бесполезным доспех. Как подкошенный, он рухнул на пол. Лицо его медленно покрывала мертвенная бледность.

– Унести труса, позвать к нему лекаря, – приказал эмир, глядя на корчащегося в муках слугу, недовольно морщился, глубоко уязвленный его несдержанностью.

Прищулив свой левый глаз, Юсуф держал в руке вынутый кинжал и внимательно разглядывал запачканное кровью тонкое лезвие. Не менее трети ладони вошло оно в человеческое тело и больно ужалило.

– Я горжусь тобой, моя луноликая Принцесса. Где ты нашла сей кинжал? Кто его изготовил? В какой стране?

– Его при мне ковал кузнец Гали по прозвищу Тимер...

В одно лишь мгновение в голове всесильного повелителя болгарской державы сопоставились известные ему факты.

– Выходит, с ним ты, – эмир весело расхохотался, полностью оценив поступок своей любимой племянницы, – расплатилась чистым золотом?

– Да, абый, – весело ответила Айша, по потеплевшим глазам эмира понявшая, что тот больше на нее не сердится, – отдала ему по весу, как обещала, двадцать пять монет.

– На что пошли оставшиеся монеты?

– Я на них, абый, – лукавая улыбка расплылась по девичьим губам, – купила набор посуды.

Удивленная бровь повелителя круто изогнулась недоуменной дугой. На оставшуюся сумму можно было прикупить не один столовый набор.

– Чем же он настолько дорог? Его привезли из Китая?

Эмиру подумалось, что заморский фарфор до того тонок, что стенки его просвечивают, а сама посуда практически ничего не весит.

– Тем, абый, что я слепила его своими руками.

– Показывай, стрекоза, хвались...

С превеликим интересом разглядывая на своем столике диковинный кораблик-светильник, Суюм все ж укоризненно покачивала головой:

– Мой царственный брат, ты балуешь свою племянницу, потекаешь всем ее прихотям. Ты вконец испортишь неискушенное дитя.

– Может быть, моя дорогая сестра, – в широко раскрывшихся глазах эмира проскользнули теплое человеческое понимание и сострадание к своему ближнему, – я хочу дать ей то, чего невольно лишил тебя, рано отдав тебя замуж за нелюбимого тобою человека.

Тяжелый вздох вырвался из женской груди. Что было, то было, назад не вернуть. Прожитое на новый лист и на иной лад не переписать.

– Все уже в прошлом... – справившись с собой, женщина с легкой грустью в своих прекрасных глазах улыбнулась.

– Признайся мне, наконец, моя дорогая сестричка, – Юсуф решил воспользоваться благоприятным моментом, – на кого же похожа наша Айша? Смутные сомнения терзают меня, ибо ничего схожего с чертами твоего безвременно усопшего мужа я никак не нахожу. Хотя, – эмир усмехнулся, – может, оно и к лучшему. Ничто от безобразного уродца и страшилища Махмед-бека не смогло испортить нашего лунного цветка. Аллах оказался милостив к моей племяннице...

Слова брата заставили часто-часто забиться женское сердечко. Но Суюм снова быстро взяла себя в руки, справилась со своим волнением.

– Айша, мой дорогой брат, она похожа на меня, на нашу маму, свою бабушку. Ты помнишь, как красива была наша мать?

– Должно быть, все так, – эмир неопределенно пожал плечами и не стал продолжать их могущий стать весьма опасным разговор.

Может, он о чем-то и догадывался, и не хотел ставить свою сестру в неловкое положение, заставляя ее лгать и изворачиваться перед ним.

Не хочет Суюм говорить, пусть же все остается на ее совести. Такое положение вещей его вполне устраивает. Для всех его сестра понесла от своего мужа. В тот год собирали они войско в поход на Русь...

Глава VIII. Поход на Великий Устюг

В тот слишком памятный для них всех год, Суюм, несмотря на все ее старания, так и не удалось отправить Ахмеда в далекое путешествие, хотя обстоятельный разговор о том вскоре состоялся.

– Я желаю, – она нежно провела пальцами по ставшим дорогими чертам мужского лица, – чтобы ты отправился в дальнейшее путешествие...

– Скажи, радость и отрада глаз моих, – Ахмед даже не дослушал ее, – и я отправлюсь, хоть на край света.

– Ты еще не представляешь, – Суюм с сомнением в глазах покачала головой, – насколько трудным может оказаться мое поручение.

Но мужчина в ответ лишь улыбался. Что для него все испытания, если его на них посылает та, что дороже всего на белом свете, за один взгляд которой он согласен пройти через любое испытание.

– Ради тебя я готов на все. Говори, и я полечу на крыльях любви...

Мечтательное выражение невообразимо преобразило женское лицо:

– Ах, Ахмед! Почему я не смогу поехать вместе с тобой?

На краткий миг представила себя Суюм путешествующей по миру. Очнувшись, женщина тяжело вздохнула.

Если бы поездка была возможной, она, ничуть не раздумывая, уехала бы вместе с любимым человеком, хотя бы, хоть и на край света.

И не нужны ей богатства, высокое положение жены одного из самых могущественных людей державы. К чему ей все атрибуты богатства и власти, если в ее душе одна пустота? Своим решением любимый брат обрек ее на жизнь без любви, на жизнь без надежды на лучшее.

Но и послушаться государя она никак не могла, понимала, что брат вынужден был пойти на ее брак.

И власть, и высокое положение, данные им по рождению, – не одни удовольствия, сопутствующие им, но и самая высокая ответственность за судьбу родной страны. К тому же, она женщина. А кого же другого приносят мужчины в жертву в самую первую очередь? Женщин, кого же еще. Такова их горькая доля. Они по рождению обделены судьбой...

Почему Аллах позволяет каждому мужчине иметь несколько жен и бесчисленное количество наложниц, а несчастная женщина может быть лишь чьей-то молчаливой собственностью? Кто придумал оное?

Почему у православных мужчинам можно иметь только одну жену? Почему Бог один, но принимают его по-разному? Выходит, что кто-то ошибается? Кто из них ошибается, неправильно толкуя единого Бога?

Почему в не столь отдаленные от них времена, когда весь их народ поклонялся языческим Богам во главе с Тэнгрэ – всеильным владыкой человеческих душ, творцом молний и грома, женщины принимали во всем самое активное участие? Наравне с мужчинами они участвовали в военных походах, порой бились и в сражениях.

Во время приемов старшая жена хана всегда сидела рядом с мужем. В присутствии мужчин женщины не закрывали стыдливо свое лицо.

А с принятием ислама жену обязали во всем повиноваться своему мужу и выполнять все любые его требования.

В домах появилась «женская половина», которая предназначалась только для женщин и малолетних детей. Из мужчин право входить в нее имел только хозяин дома. Женщина, по сути, превратилась в безмолвное существо, в бессловесную рабыню своего мужа...

От таких мыслей становилось страшно. Она богохульствует. Гореть ей в вечном огне. После смерти она попадет в руки иблиса-дьявола. Но раз за разом она возвращалась к одному и тому же.

Почему есть страны, где правят женщины? Ежели взять для примера знаменитую царицу Савскую или же повелительницу далекого Египта царицу Клеопатру. Значит, прав у них там не меньше, чем у мужчин.

Те женщины сами выбирали себе достойных мужей. Сколько было их у Клеопатры? А сколько было мужчин у нее? Ох, харам, харам! Лицо женщины ярко пылало от жаркого стыда. Она ищет себе оправдание для своей греховной связи с Ахмедом. Вот и выдумывает всякое...

Ах, Ахмед! В груди снова сладко заныло, и тело потянуло в истоме. Накануне им снова удалось тайком встретиться.

Как близость с Ахмедом совсем не походит на то, что происходит с нею в постели с ее постылым мужем. До сих пор ее кожа помнит все прикосновения любящих рук Ахмеда. Его губы шептали ей бесстыдные слова. Ох! Харам! Харам!..

Должно быть, Махмед-бек в душе уже заподозрил неладное. Может, сердце ему подсказало решение. Возможно, он поступил так из чистого благоразумия. Но уходя в поход, бек забрал Ахмед-бия с собой.

– Вернусь домой, и мы поговорим, – отрезал он, стоило только Суюм заикнуться и высказать мужу затаенную мечту о посылке доверенного человека в дальние и далекие, неведомые им страны.

– Мой муж! – женщина огорченно моргнула.

– Он мне потребен самому, – добавил бек, заметив, как темная тень налетела на милое личико жены. – Хорошо-хорошо, потом отправим... – сердце его смягчалось под суровым женским взглядом, единственно перед которым он не мог устоять и всегда, в конце концов, сдавался.

Сам же он подумал о том, что еще неизвестно, что с каждым из них может случиться в опасном походе.

Возможно, его любимая газель к тому времени охладееет и выбросит из своей головы эту свою никому ненужную и безумную затею.

Войско для военного похода на Русь собирали со всех подвластных булгарскому эмиру областей. Разослали во все концы гонцов.

А чтобы заранее не обнаружить своих приготовлений, они приняли решение составлять все отряды по отдельности, готовить и вооружать их на местах. Пункт общего сбора назначили вблизи местечка Казан, что выше по течению речки Казанка, всего в одном дневном переходе от места ее слияния с могучим Итилем. А выше по течению Итиля решили подготовить переправу через их великую реку.

– Войско от племен Суvara возглавит Ахмед-бий, – приказал эмир.

В глухом урмане раскинули они временный лагерь, куда вереницей стекались люди со всего их края. Подходили отряды воинов, прибывали мобилизованные на время похода ремесленники и пахари. Приходили простолюдины без оружия, многие из них ничего не умели.

Забот и мороки вышло с неумехами немало. Каждого будущего воя следовало вооружить, создать из шумной оравы подобие войска.

Для начала неорганизованную толпу делили на десятки. Назначали к ним командиров из бывалых воинов, из тех, кто уже когда-то ходил в походы. Составлялись сотни, и они сводились в тысячи.

Через неделю выступили. Потешное войско их растянулось на день пути. Его разобщили намеренно, чтобы в движении отряды не мешали друг другу проводить обучение и боевое слаживание вновь созданных войсковых образований.

Ходили вои в сомкнутом пешем строю в атаку. Учились на полном скаку менять фланги, отбивать наскоки вражеской лавы. Командиры обучали свои отряды тому, что могло пригодиться им в опасном походе.

Весело посмеивались бывалые, закаленные во многих битвах воины. Свысока глядели они на невыносимые мучения вчера еще землепашцев и ремесленников, а сегодня уже славных воителей эмира...

Времечко подошло, и Ахмед-бий со скрываемым удовлетворением наблюдал за тем, как лихо и с устрашающими криками несется конная тысяча. Впереди выстроенного тупым клином подвижного отряда шли две сотни на отборных могучих гнедых лошадях. У всадников в руках тяжелое вооружение, копья и длинные мечи капетинского типа.

– Сотни, рысью марш! – командовали сотники-юзбаши.

Не каждый устоит перед таким ударом. Следом, перекаtywаясь, идут три легкие сотни, тоже неплохо оснащенные, в шлемах и кольчугах, с полным вооружением. В руках у многих однолезвийные палаши. Иные в пылу и в задоре размахивали своими длинными боевыми железными топорами, инкрустированными растительным орнаментом.

– Копья... наперевес!

У многих воев оружие имело вычурную форму и фигурки животных на концах. Обязательную часть вооружения составляли луки и стрелы.

Они самые разные, плоские и овальные, треугольные и шиловидные с четырехгранным концом или же уплощенным, предназначенным для пробивания кольчуг.

– Дистанцию, интервал держи! Мечами руби!

А все остальные конники, что трусятся за основным ядром, неловко подпрыгивая в седлах, – лошадиная пехота, как в насмешку прозвали всех посаженных на рабочих лошадок простых людишек, оторванных от плуга, молота, гончарного круга...

– Подтянись! – кричали десятники. – Не зевай!

Довольно стройными рядами топали неполные две тысячи пехоты. Весь его отряд. С виду-то не ахти как много...

Но они – малая толика войска эмира, один лишь из его ручейков, которые в назначенное время, в указанном месте все сольются в одну могучую реку. Никто не сможет устоять перед ее бурным натиском.

Подобное тому случается в природе, когда узкую горную речушку плотно перегораживает обрушившийся на нее сверху каменный поток, образуется завал. Река перегораживается и, не находя выхода, набирает силу и потом обрушивается, безжалостно сметая все на своем пути.

Еще задолго вброд преодолели Казанку, и повернули налево, пошли вдоль ее тихих берегов. Ахмед-бий поступил очень мудро, перейдя реку намного раньше, еще там, в верховьях, где она не успела вобрать в себя воды больших и малых речушек, всех многочисленных ключей.

Через неделю благополучно добрались до места общего сбора, где уже полным-полно набралось войскового люда...

Махмед-бек не стал, как обычно водится, проводить общего смотра своих сил. Бек проверил их всех по частям. Конные и пешие тысячи выстраивались на ровной опушке. Проверялось оружие и снаряжение, умение стрелять из лука.

Воину, не попавшему в чучело со ста двадцати шагов из шести стрел и двух раз, колчан набивали соломой, что было большим позором. Его смывали, если попадали во время очередной стрельбы все шесть раз.

– Всех, кто попал шестью стрелами, наградить, – распорядился бек.

Нерадивых командиров, не проявивших должного рвения и старания при подготовке своего отряда, снимали с должности. На их место тут же ставили отличившихся воинов. Десятник вмиг мог стать сотником.

И, напротив, провинившийся сотник мог легко оказаться простым нукером, лишиться не только чести, но и много другого и прочего, ибо даже при распределении воинской добычи доля сотника в десять раз превышала долю простого воина.

Одно дело – повелительно махать плетью, совсем другое, когда ему придется исполнять приказы вчерашнего своего подчиненного...

– Беспорядку много! – морщился Махмед-бек.

Как в мыслях ему все представлялось, можно было бы ожидать и лучшего. Если бы все командиры вверенных им отрядов привели бы своих людей столь же подготовленными, как сделал Ахмед-бий. Но, что есть, то есть. Другого воинства у них уже не будет.

– По краям пойдут на расстоянии пешего дневного перехода легкие конные отряды, – бек разделил все свое войско на три неравные части. – Основное ядро войска в походе спереди прикроется одним подвижным отрядом. В центре потопает пехота...

Последние распоряжения перед выступлением отданы, и по сигналу разом зашевелились опушки и рощи. Зашумел, загудел пронзительными птичьими криками потревоженный дремучий урман.

– Трогай! – понеслось перекатами.

Одним броском войско достигло и за один день переправилось через Волгу, которая в тех местах без вод Камы и Оки представляла собой не слишком сложное препятствие. Пока они двигались по своей земле.

Далеко впереди шла конная разведка. Она останавливала на своем пути и перехватывала подозрительных чужаков, старалась до самого последнего момента сохранить в глубокой тайне начало движения.

Как вступили на Мещерскую землю, войско перестроилось и пошло по хитрой задумке Махмед-бека. Передвигались ходко. Крупные города обходили стороной. Летучие разъезды врывались в села и небольшие городки. Малую толику брали в полон, других и вовсе не трогали.

Мародерствовать и набирать добычу воинам под страхом смертной казни строжайше запретили. Ничто не должно было обременять войско и мешать ходкому продвижению вперед.

Пленных и захваченный скот под небольшой охраной отправляли назад, к Итилю. Проходящее войско оставляло после себя широкий след опустошения. Все лошади и гужевой транспорт забирались и немедленно направлялись к основному ядру. Чем дальше булгары шли, тем быстрее начинала двигаться пехота, частями пересаживаемая на добытых в пути лошадей, рассаживаемая на крестьянские телеги и повозки.

На четвертое утро Махмед-бек запретил брать пленных. Возбранил он жечь и грабить. Назад придется возвращаться по этой же дороге. И в случае неудачи похода, предпринятого ими, убегающему войску тяжело доведется, идя по разоренным краям, не находя пищи и других запасов.

Конечную цель похода – Великий Устюг выбрали вовсе не случайно. В случае до самого последнего часа сохранения в тайне маршрута их стремительного движения мало кто сможет и успеет прийти на помощь отдаленному северному княжеству.

– Ежели русичи проспят, – поговаривали булгары, – мы их сонными и голыми руками возьмем!

В этом случае можно будет им рассчитывать на успех. И там земли, давно войной не тронутые, богатые. Местные жители вели торговлю с иноземными странами. В эту пору на рейдах стояло много купеческих судов, сами по себе представляющих собой богатую добычу.

– И откуп хороший, – мечтали вои, – получим с плененных...

Нападения булгар в тех местах никто не ожидал. Большую часть своего пути одолели они скрытно и вышли к пограничным районам потайными тропами, указанными самими же русинами.

Малые города без боя сдавались на милость победителей. С двух сторон многочисленные отряды булгар подошли и окружили, взяли в плотное кольцо Великий Устюг.

– Тревога! Тревога! – всполошились русичи.

Несчастные горожане сами в отчаянии палили свои посады, бросали все свое имущество и запирались в укрепленном местечке.

Злорадно усмехаясь, Махмед-бек объезжал крепостные стены. Столь нерадивого воеводу он и сам бы повесил за ноги в назидание другим.

Рвы обмелели. Валы во многих местах осели, осыпались. Бревна в покосившихся частоколах и башнях погнили.

Долго обветшалое укрепление настоящей осады не выдержит. А вот в проведении таких он, Махмед-бек, большой мастер.

– Берегись! – выкрикнул начальник охраны.

Толкущиеся на стенах защитники города выпустили в их сторону с десятков стрел. Но все они не долетели, уткнулись в землю шагах в двадцати впереди от копыт гнедого жеребца военачальника.

Бек махнул рукой, и его личная охранная полусотня выхватила свои мощные луки с роговыми накладками и произвела залп-другой.

– Ох! – один русич на городской стене громко охнул и схватился за раненое плечо, очумело глядел на свою поврежденную руку.

Стоявший рядом воин опустился, уже ничего не произнося и глядя в небо пустыми и безжизненными зрачками.

– Вперед! – скомандовал бек.

Опытный полководец определил для себя все направления, откуда они утром начнут штурм. Продолжал дальнейший объезд крепостных укреплений бек больше по одной лишь инерции.

– Тиу! – тоненько просвистела невесть откуда взявшаяся одиночная стрела и воткнулась в тучную шею бека, в то самое место, где тело не защищали толстые кожаные доспехи с металлическими пластинами.

– У, шайтан! – сипло захрипев, Махмед-бек покачнулся, но в седле удержался. – Уходим, уходим!

Телохранители стремглав повезли его в ставку, где имчи вытащил обломок стрелы, осмотрел рану и, еще боясь сам поверить в свою удачу, сообщил, что рана неопасная и при хорошем уходе быстро заживет.

– Все остается в силе! – распорядился бек.

Намеченного на следующее утро общего штурма города решили не отменять. Руководство всем войском, его подготовку к предстоящему решительному приступу на время взял на себя опытный военачальник Салим-бек, первый заместитель Махмед-бека.

– Утром штурм! – подтвердил бек, определенный самим эмиром, на всякий непредвиденный случай, чтобы, не приведи Аллах, среди вождей булгар не вспыхнули распри из-за власти над войском.

Назначенные люди споро вязали в едино длинные и короткие жерди, готовили штурмовые лестницы. В дубраве, что раскинулась неподалеку от их лагеря, выбрали могучее дерево, срубили исполина.

Там же, прямо на месте, один его конец заточили и надели на него привезенный ими с собой огромный железный наконечник. Подкатили телегу-лафет с большими, аршинными, колесами.

С трудом изготовленный таран и исключительно при помощи одной хитрости установили на свое место и хорошо закрепили.

Наступил брезжащий рассвет, и осажденные с ужасом и пониманием всей безнадежности и всей тщетности всех своих надежд на счастливое избавление от свалившейся на их бедные головы смертельной напасти наблюдали за тем, как с трех сторон к стенам их города организовано подступают густые отряды булгар. Напротив главных ворот города хорошо просматривался таран, установленный на передвижной лафет.

Одним из осаждающих город отрядов командовал Ахмед-бий. Вои, размеренно ступая, неспешно приблизились на расстояние всего одного выстрела. Взмах рукой, и конные сотни стали осыпать стены жалящими стрелами. А под их прикрытием пешие воины с длинными лестницами в руках, с туго перевязанными охапками валежника и хвороста частыми-частыми шагами двинулись вперед, перешли на торопливый бег...

– Поспешай! Поспешай! – подгоняли десятники-унбаши.

Первая цепь булгар закинула неглубокий и осыпавшийся ров, и его легко преодолели воины, которые тащили на себе тяжелые лестницы.

– На приступ! – громко кричали сотники.

Длинные концы потянулись вверх. Минута-другая, и сотни муравьев ринулись на решительный приступ, полезли наверх, сбиваемые градом посыпавшихся на них камней, меткими выстрелами лучников, бьющих из бойниц соседних башен.

– Надави! Надави! – свирепо рычали унбаши и юзбаши.

Пронзительно крича и взмахивая руками, воины падали вниз, чтобы больше уже никогда не подняться. Но на их место заступали десятки и сотни новых бойцов, отчаянно рвущихся наверх.

– Кто первый влезет на стену, тому награда! – крикнул Салим-бек.

Первые вои достигли своей цели. Ослабел, вовсе прекратился огонь, ведущийся осажденными, более чем наполовину выбитыми меткими выстрелами со стороны конных булгарских сотен.

– Вперед! Вперед! – понукали окрики командиров.

Вал атакующих и торжествующих булгар перевалил за городские стены и разлился по узким улочкам города.

– Эх, накати! – срывал голос юзбаши, командовавший булгарской сотней при осадном устройстве.

Огромный таран выступающим на добрый десяток шагов концом со второго захода сорвал державшиеся на честном слове городские ворота.

И по освобожденному проходу рванула в город конская масса.

– Победа! – взметнулись вверх торжествующие руки.

Громкие крики ликующих победителей, стоны и мольбы о пощаде со стороны одоленных и разбитых...

Всего лишь на одни сутки Махмед-бек отдал своим войскам взятый город на полное разграбление. Тела убитых и истерзанных защитников валялись на полуразрушенных стенах, на улицах, возле входов в дома. Никто их не трогал и не убирал...

К исходу второго дня войско вышло из города, вынеся оттуда все ценное. Весь вечер и всю ночь бакаулы подсчитывали добычу. Погрузив все свое имущество на повозки, булгары к утру снялись и отправились в обратный путь, отягощенные изрядной добычей. Конные отряды всею рассыпались по сторонам и грабили все, что попадалось на их пути.

Суровые законы войны. Победители брали положенную им военную добычу. Точно так поступали и русичи. Тринадцать лет назад русские отряды прошли по краю их благодатной земле огнем и мечом, оставляя после себя горы трупов, обожженные пепелища...

Подобные злодеяния творились не только тогда, когда шли в поход на чужеземцев. То же самое случалось, когда Тверь шла войной против Владимира, Суздаль против Рязани. То же творили все удельные князья и князьки, нападая на своих соседей, кровных братьев и сестер.

То же некогда творилось в самой Булгарии. Что уж нынче говорить, когда на поле брани сошлись давние противники, и один из них горел неутоленной жаждой мщения. Тех, кто не оказывал им сопротивления, булгары, к их чести, никогда не убивали. Безоружного они не трогали и того, кто ранен, со злобой не добивали. Не поступали так и русичи.

Для воинов война была обыденным ремеслом, а для многих булгар, отправившихся в дальний поход, – единственным способом улучшить худое материальное положение, заполучив в случае успешного исхода положенную войам долю добычи.

Если фортуна станет на их сторону, то приведут они с собой лошадь или корову, а то и не одну, а две-три. В случае большой удачи могут они пригнать пару-тройку нужных помощников в хозяйстве.

Помощников, а не рабов. Рабами полоненных не называли. Жили они, работали, ели и спали наравне со своими хозяевами.

После трех-четырех лет они свободно могли завести свое хозяйство, а при желании вернуться домой. Так было издавна заведено...

Многие обзаводились семьями и оставались. Особенно молоденькие девушки. Куда они могли пойти, имея на руках грудных детей? Тяжела женская доля. Парням было легче. Снялся и ушел. Если только к тому времени не очаровала его пара острых глаз какой-нибудь чернобровой красавицы из булгар. Многим порой и некуда было возвращаться.

Там, откуда их угнали, оставались пепелища и развалины. Что же еще оставалось делать, если идти некуда и не к кому идти. И в Булгарии жили люди. Ничуть не хуже. Может, и лучше. В мирной жизни честнее и вернее человека, чем булгарин, не найти. Слово свое держит крепко...

Огромными вереницами тянулись угрюмые толпы ободранных и голодных полоняников. Нещадно пылили стада угоняемого скота.

Вперемежку с ними шли обозы с награбленным имуществом. Пешие колонны уставших, но безмерно довольных воинов бодро маршировали, предвкушая радость от встречи с родными краями и близкими. Много повозок отдали под раненых...

На одной из них, побряхтывая на каждой кочке, при каждом толчке, двигался раненый при штурме города Ахмед-бий. Память его то и дело возвращалась назад, к тому часу, когда он...

...Отряд Ахмед-бия рвался к центру города, где за внутренними укреплениями укрылись последние защитники города. В это время к русичам подоспело свежее подкрепление.

Страшные в своем гневе православные витязи кололи и наотмашь рубили обхваченный с двух сторон отряд Ахмеда. На выручку к русам подошли не простые ратники из их народного ополчения, а умелые и весьма подготовленные дружинники. Тяжко пришлось булгарам.

Ахмед и его личная охрана взялись за мечи. Могучим ударом бий сразил бородастого здоровяка и почувствовал тупую боль в задней части бедра. Рукой нащупал он торчащее древко стрелы.

Натужился бий, вырвал ее. Осел от пронзившей его острой боли и от напряжения. Презрительно улыбнулся. Слабаком на поверку оказался русин, не дотянул тетиву луку, неглубоко вошло острое жало.

Оглянувшись, Ахмед, хромая, кинулся туда, откуда в него стреляли. Тонкий и гибкий, как тростинка, русин встретил приближающегося врага с мечом в руке. Бий, кипя и негодуя от ярости: «И оный сопляк хотел убить меня?», – одним выпадом выбил оружие из рук противника. Вторым ударом плашмя сбил с ног, от души грохнул щитом по голове.

Русин потерял сознание. Шлем скатился с головы, и Ахмед увидел тонкое и нежное девичье лицо. Коротко остриженные волосы смешно топорщились над ушами.

– О, Аллах! – прошептал бий изумленными губами.

Юная девушка оказалась изумительно красива. Невольно он удержал занесенное сверху смертоносное острие свое булатного меча. Он ведь не убийца женщин. Аллах подобного святотатства не прощает.

Переложив клинок в левую ладонь, правой бий легонько похлопал лежавшую диву по побледневшим щекам. Веки девушки чуть заметно встрепенулись. Приоткрыв губы, она слабо застонала. Ахмед быстро оглянулся. Его воины одолевали. Бой за короткое время переместился вперед, ближе к стене, дорога к которой была густо усеяна лежавшими вперемежку витязями-русинами и булгарами-батырами. С сухим лязгом скрещивались мечи, доносились хриплое дыхание и короткие яростные выкрики сражающихся. Бий снял ремень с валяющегося рядом пустого колчана для стрел и плотно скрутил пленнице заведенные назад локти.

И только потом он вдруг почувствовал странное головокружение. Мутная пелена набегала на глаза и временами затмевала взор.

– Вот, шайтан! – вполголоса выругался Ахмед.

Тронул бий саднящее болью бедро. Пальцы густо окрасились темно-красной и быстро густеющей кровью. Устало присев возле пленницы, Ахмед-бий погрузился во тьму...

Когда он очнулся, первыми его словами стали: «Где русинка?».

Плененную бием девчонку-русинку вместе со своим потерявшим сознание начальником на месте того боя подобрала его личная охрана. Теперь она, полонянка, понурая, на привязи плелась за его повозкой.

– Эй! – Ахмет жестом подозвал пленницу к себе.

С трудом приподняв голову, бий приказал посадить русинку рядом с собой. Часами смотрел на нее. Горькие слезинки одна за другой сбегали по девичьим побледневшим щекам. Подолгу она, молча, сидела, словно уставившись в видимую только ей одной небесную точку.

О чем она все думала? Кого вспоминала? Ахмед-бий терялся в своих догадках. Странно было осознавать, что он, прошедший десятки схваток с врагом, разоривший не одно селение, вовсе не новичок в отношениях с женщинами, не знал, как повести себя с пленницей.

И вдруг, к немалому своему изумлению, он понял, что заблудился в своих чувствах. Бий не знал, как ему к ним относиться. Новое чувство обрушилось на него после того, как ему полной взаимностью ответила самая прекрасная женщина, которую он только знал. Ахмед понимал, что предает ее, и чувствовал: с каждым днем бездонные озера серо-голубых глаз прекрасной юной полонянки затягивают его все сильнее.

– Кто ты? Как тебя зовут? – произносил раненный военачальник заученные на русском языке короткие фразы.

Пушистые реснички прекрасной русинки вздрагивали на короткий миг, и тут же ее лицо приобретало прежнее равнодушное выражение.

Молчание. Словно она немая... А он прекрасно знал, что она умеет говорить. Ночью Ахмед слышал, как напевала русинка.

– Она сдохнет, околеет от тоски, – часто повторял Насыр, старый и до гробовой доски преданный ему слуга. – Не довезем.

Так и случилось бы, если бы к следующему вечеру их не догнал бы быстроногий парнишка, не побоявшийся пойти по следу уходящего войска в поисках своей увозимой недругами сестры.

Скорым шагом молодец обходил одну колонну за другой. Увидев печальную девушку, кинулся парень к повозке. Но неусыпные стражи преградили ему дорогу, принялись его хватать.

– Что еще за шум? – спросил Ахмед, заслышав лязг вынимаемых из ножен мечей и громкие выкрики.

– У нашей полонянки, бают, брат нашелся, – ответил старый Насыр, наклоняясь к хозяину. – Его задержали...

– Пропусти...

Повинуясь, слуга поспешил исполнить пожелание своего господина. Он проворно соскочил с повозки, подошел к воинам, глухо пробубнил на ухо старшему стражу, и парнишку отпустили.

– Глебушка, как ты меня нашел? – тихо зашептала девушка, и слабая улыбка робко загуляла по ее успокоившемуся лицу, когда она поняла, что ее брату ничто не угрожает после того, как вмешался Ахмед-бий и приказал своим воям допустить парня к его повозке.

– Мне указали на оного, – быстрый взгляд его метнулся в сторону лежавшего бия, – сказали, что люди с его отряда забрали тебя. Я хорошо заплатил, и мне дали охранную грамоту.

– Ты погубишь себя, – девушка с любовью и с укоризной в глазах покачала головой. – Беги отсюда, Глебушка, беги. Беги, мой родной...

Пусть, подумалось Насте, хотя бы ее брат избежит той печальной участи, которая ей самой была уготовлена безжалостной судьбой.

– Нет, – Глеб упрямо мотнул головой, – я тебя не оставляю.

Дрожащим голосом девушка спросила, боясь услышать страшный и не оставляющий надежд скорбный ответ:

– Все наши погибли?

– Все, – по мальчишескому лицу поползла темная тень, а искусанные губы его предательски задрожали.

Больше они не вымолвили ни слова. Недолго думая, Ахмед приказал усилить охрану, боясь, что девица совершит побег с помощью своего брата. Но полонянка и не пыталась улизнуть.

Странно, но сидела она на повозке и ничего дерзкого не помышляла. Странно. Кто она такая? Не похоже, чтобы то была обычная поселянка.

Только раз, на один миг, пленница, возможно, приоткрыла завесу тайны. Чуть-чуть. Кто-то другой, может, ничего бы и не заметил.

Но Ахмеду того мига хватило вполне. Он понял, что пленница не из простых русинов. Возможно, она была дочерью одного из старейшин, может, и боярская или княжеская дочь.

На подобные мысли упрямо наводил и золотой медальон на ее шее. И одежда на девушке была отнюдь не простая, а самой тонкой работы.

Раз, обгоняя их, проезжала группа всадников. Среди булгар Ахмед заметил двух русинов. Одного из них бий знал. Проводниками их армии шли два русских княжича захудалого рода, откуда-то из-под Муромы.

Видно, пленница была с ними знакома. Завидев конников, девушка страшно побледнела и накинула на свою голову темное покрывало. Бий не знал, что молодой человек год назад к ней сватался и ему отказали.

В злущей обиде и жгучем желании отомстить коварный княжич со своим сводным братом предложили булгарам свои услуги, надеясь за свое предательство получить вожаемую награду...

Изумленный Ахмед легонько дотронулся до ее руки:

– Что с тобой? Ты испугалась?

Впервые за все время молчаливая пленница отреагировала и кивнула в ответ своему хозяину.

– Не бойся, – он, успокаивая, сжал ее тонкую кисть. – К нам он не подъедет. Но чего и почему ты боишься?

И тут же минутная слабость девушки быстро улетучилась вместе со страхом быть узнанной. Скинув со своей головы темный платок, она надменным жестом вздернула независимый и гордый подбородок.

Потом по очереди девица вынула из ушей свои узорчатые с алыми гранатами серьги и попыталась зашвырнуть их далеко в сторону.

Благоразумная рука Насыра вовремя их перехватила. Она завернула драгоценные вещицы в тряпицу и подложила рядом с пленницей. Ее реснички, помимо девичьей воли, в ответ благодарно зашевелились...

Глава IX. Прости меня, Суюм...

После недолгого раздумья эмир издал фирман-указ, по которому кузнец Гали по прозвищу Тимер, родственник его, горшечник Нури, оба переводились в придворные ремесленники. Приказал Юсуф выдать из эмирской казны пару-тройку драгоценных камней и мягко посоветовал племяннице выполнить на клинке одну заветную надпись.

– Какое изречение Аллаха, абый, ты хотел бы, чтобы засияло на нем? – девушка обратила на своего дядю вопросительный взгляд.

Понижая голос до шепота, Юсуф произнес:

– Есть у твоей мамы кольцо-перстень. Оно настолько древнее, что никто не скажет, откуда оно пришло к нам и что означают начертанные на нем слова. Но из поколения в поколение в нашем роду передается существующее предание о том, что пока сие кольцо хранится у нас, то род наш никогда не прервется и Аллах никогда не оставит нас своими милостями. Никто уже не помнит, откуда взялось кольцо. Никто не мог прочесть начертанного на нем...

– Я все сделаю, абый, как ты велишь. Разреши мне заказать еще три подобных клинка, сделать подарки моим братьям, твоим сыновьям.

– Ты можешь их заказать, – эмир снисходительно кивнул головой. – Только, балам, не следует расплачиваться с мастером моим золотом. Тем паче, что с сего дня он состоит у меня на службе.

Благодарная улыбка засветилась на милом девичьем лице, а глаза ее восторженно вспыхнули:

– Правда, абый?

– Я сегодня подписал указ. Можешь сама сообщить кузнецу, – эмир усмехнулся. – Гляжу, тебе понравились сие люди. Но не забывай, какая бездонная разница существует между вами.

– Я помню всегда, абый.

– Вот и умница. Иди, – эмир три раза хлопнул в ладоши, – у меня еще много других дел, не менее важных, чем твои заботы...

«Из нашей стрекозы выйдет толк», – тепло глядя вслед стремительно выходящей племяннице, думал всевластный правитель. «У нее есть все, чтобы стать...», – впрочем, заглядывать настолько далеко он не стал.

Никогда люди целиком не ведают того, что может случиться с ними на следующий день, через неделю. А что ждет их через годы, одному лишь Всемиловейшему Аллаху ведомо...

Айша сразу поняла, о каком кольце говорил ее царственный дядя. Оно всегда хранилось в особой шкатулке с драгоценностями.

Как зеницу ока, мать берегла кольцо, лишь изредка надевала его, в самых торжественных случаях.

Поэтому особо о нем никто, кроме самых близких родственников, не знал, и мало кто догадывался о том, что там есть еще и какие-то внутри нанесенные письмена. Она и сама-то как-то уже об этом запамятовала. Хотя в раннем детстве с интересом разглядывала затейливые узоры.

– Мама?! – девушка неслышно вошла в свои покои.

Задумавшись, Суюм сидела, бросив рассеянный взгляд сквозь окно. И видела женщина перед собой не величественный купол мечети, а открылось перед ней лето, когда войско эмира ходило в поход на Русь.

Сама она не помнила, что взволновало ее тогда больше: известие о том, что ранен ее муж или попутно пришедшая весточка про то, что в бою пострадал Ахмед-бий. Или ее больше всего расстроило сообщение о том, что он с собой в повозке везет таинственную пленницу...

...На пятый день после штурма у Махмед-бека поднялся жар. Рана его ни с того ни с сего покраснела и сильно воспалилась. Стало трудно дышать. В груди закипали раздражительный гнев и удушливая злоба.

– Я прикажу вздернуть имчи! – прорычал бек.

Его неправильно лечили. Враги сильно хотели его смерти. Не зря один из его верных слуг тонко намекал на то, что злополучную стрелу выпустили не с крепостных стен, а злодей выстрелил из засады.

– Смердящий пес уверял меня, что я уже здоров...

Два дня назад он попытался сесть на коня и продержался в седле больше двух часов. Показался начальник перед войском, собрал своих военачальников и внимательно всех выслушал.

Отсутствовал Ахмед-бий. Лишь одно его не появление могло бы в ином другом случае вызвать самое серьезное подозрение.

Однако причина тому вышла вполне уважительная. Ранение в плечо не позволяло бию ехать в седле, потому он и не прибыл на место сбора.

Почувствовав прилив свежих сил, бек рассчитывал, что через день, максимум через два сможет в полной мере приступить к руководству войска. Вернулся он в свою большую крытую повозку.

– Приведи ко мне молоденьких пленниц, – приказал Махмед слуге.

С высоких подушек смотрел бек на трех тоненьких девушек-девочек с жарко горевшими от невыносимого стыда щеками. Девы стыдливо прикрывали груди и темнеющие мыски. Рабевнух грозно прикрикнул, и полонянки, испуганно вздрогнув, опустили руки, безвольно вытянули их вдоль своих в ознобе подрагивающих тел...

– Эту! – плотоядно облизнувшись, Махмед выбрал одну, обликом схожую с женой Суюм, с огненно-рыжими волосами, поразившими его, с остро торчащими в разные стороны нежными грудями.

Небрежным кивком головы мужчина отпустил остальных девушек. Жирным пальчиком он поманил девочку к себе, показал на место рядом с собой. Толк в юных красавицах бек знал.

– Ой! – тоненько пискнула полонянка под тяжестью его тела.

Но на следующее утро он проснулся от нестерпимой боли в шее и не смог пошевелить ею. Грозный рык разгневанного хозяина разбудил дремавшего в уголке слугу.

Сжавшись в маленький комочек, дрожала ничего не понимающая дева, натягивала до самого подбородка зеленое шелковое покрывало.

– Гони ее! – взмахнула повелевающая рука, и рабыню выкинули.

Стоя на улице, она должна была еще благодарить свою судьбу за то, что с нею, униженную, растоптанную, поступили довольно милосердно.

Куда еще хуже участь ждала незадачливого лекаря-имчи. Бедолагу по приказу взбешенного бека вздернули на первом же попавшемся им на пути толстом суку. И разбираться с ним, горемычным, не стали.

– Имчи... – бек многозначительно провел заскоруждым пальцем по воздуху, и безжалостный приговор привели в исполнение.

Побагровевшая и вздувшаяся рана загнивала. Созвали всех лекарей, хоть сколько-нибудь сведущих в болезнях подобного рода.

Сомнений в том, что самого главного военачальника булгарского войска ранили отравленной стрелой, ни у кого не оставалось.

Одни советовали пораженную кожу прижечь раскаленным прутот. Другие предлагали пустить кровь. Третьи не отвергали ни первого, ни второго. С десятот знахарей упорно толкли в своих ступах диковинные растения, крысиные и мышиные хвосты, пауков и птичий помет...

Рану прижгли прутом, густо наложили на нее мазь, изготовленную из березового дегтя. Кровь щедро отворили. Заставили раненого выпить с десятков склянок всевозможной дурно пахнущей гадости.

– Оное поможет! – бормотали знахари, пряча смятенные глаза.

Обессиленный от боли и потери крови, бек затих. Врачеватели на время примолкли. Не одному, многим из них, должно быть, страшилось последовать и разделить судьбу повешенного имчи. В самую успешность своего лечения они нисколько не верили...

– О, Аллах! – усиленно молились имчи. – Спаси и сохрани...

Открылась сильнейшая рвота. Скорее всего, она стала последствием всех полезных и не очень, а в большинстве не только бесполезных, но и весьма вредных по своему составу снадобий.

К вечеру из уст бека вырывались одни несвязные звуки, и лишь это скорбное обстоятельство счастливо спасло жизни лекарей.

Получив неутешительное сообщение о возможной скорой кончине предводителя войска, прибыл Салим-бек, его первый заместитель.

Кривясь от плохо скрываемого отвращения, бек, посмотрев на еле дышавшего Махмед-бека, разогнал всех пригорюнившихся в ожидании своей горькой участи имчи по отрядам, где работы для них было больше чем предостаточно, оставив лишь только одного...

Прошла неделя пути. Закончилась вторая. Полетела третья. Давно остались позади водные преграды Итиля. Отряды переправились через реку Казанка. Еще немного, и они достигнут родных земель.

А Ахмед-бий все никак не мог решить для себя, как ему поступить со своенравной пленницей. Одно он только знал. Знал очень твердо. Он полюбил. Всем сердцем. До беспамятства и полного безумия.

Остались в смутном отдалении когда-то столь притягательные черты одной женщины, о которой он, к своему немалому изумлению и вящему стыду, вспоминал все реже и реже. Другая прелестница заступила на ее место. Видно, то у него была не любовь, а юношеская влюбленность. А вот новая безответная любовь причиняла ему невыносимые страдания.

Остановилось войско на ночевку. Верные слуги проворно раскинули под развесистым деревом вместительный шатер. Не у каждого имелся такой. Привезли этот шатер из дальних стран. Пришел он по Великому шелковому пути из далекого Китая. Был куплен за большие деньги и представлял собой предмет особой гордости.

Неподвижно сидела юная девушка и продолжала смотреть на огонь. Отложив в сторону свой длинный меч, Ахмед переместился к очагу.

На сдвинутые вместе железные вертела бий установил плоский медный котелок и налил в него жидкость из большой фляги.

Достал он шматок копченого мяса и нарезал его тонкими ломтями. Разломил бий хлеб, пахучий ячменный, походной выпечки.

Когда варево закипело, булгарин зачерпнул из глиняного горшка деревянной ложкой тягучего меда, помешал до полного растворения.

Прихватил бий тряпкой ручку котелка и наполнил приготовленным напитком две чаши. Бронзовую – себе. Серебряную – пленнице.

– Садись, – Ахмед жестом руки пригласил полонянку к ужину.

Увлеченный, он не заметил, как девушка, кокетливо склонив голову на плечико, внимательно следила за умелыми действиями хозяина.

– Спасибо, – едва слышно прошептали ее уста.

Придвинувшись ближе, Настя грациозно откинула волосы со лба и изящным движением взяла стаканчик. Напиток показался вкусным. Она снова глотнула, но так и не поняла,

из чего еще, кроме душистого меда, его приготовили. Откуда ей было знать, какими правдами и неправдами попала к Ахмеду амфора с вином пятнадцатилетней выдержки.

На самом деле ее с большой оказией прислали родственники, когда-то давно поселившиеся на благодатных венгерских землях, откочевав в те места вслед за мадьярами и основав там город Пешт.

Выдержанный медок горчил. По всему девичьему телу ласковыми волнами разлились умиротворяющий покой и поднимающееся тепло. Щеки сами по себе порозовели. Белоснежные зубы матово засверкали в полумраке. Язычок-баловник прогуливался вдоль жемчужных рядов.

Исподлбья поглядывая на пленницу, булгарин жадно ел. И столько невысказанной вслух нежности и любви таилось в его взоре, что дева в смущении отводила глаза, не зная, куда девать взволнованные пальцы.

Чтобы занять себя делом, взяла в руки пальцы, добытые специально для нее. По-детски высунув розовый кончик языка, Настя старательно вышивала по ткани цветными шелковыми нитками. И неожиданно с болезненным вздохом дева свистяще втянула в себя воздух:

– Ии-с-с-с!

Укололась она, ей больно. На глазах выступили блестящие капельки. Ахмед отставил в сторону чашку, подошел к вышивальщице, взял ее тоненькие пальчики, мелко подрагивающие, в свои широкие ладони.

На подушечке безымянного перста алела капелька крови. Бий поднес тонкую кисть к губам и нежными поцелуями покрыл место укуса.

Волнительная дрожь пробежала по всей девичьей руке. Докатилась волна до самого ее сердца. Ресницы у девы в тревоге затрепетали, рот в ожидании томно приоткрылся, голова расслабленно откинулась.

Забыв обо всем на свете, Ахмед кинулся беспорядочно целовать ее глаза, щеки, губы. Страхнув с себя оцепенение, Настя вдруг рванулась, отчаянными усилиями стала отклоняться от его жарких ласк.

Изо всей силы раз за разом она кусала его своими крепкими зубками в руку и открытую грудь. Но он совершенно не чувствовал боли.

– О, Боги! – прошептала Настя. – Я пропала...

Измученная и обессиленная пленница перестала биться. Бий шептал ей на ушко все проходящие на ум нежные и ласковые слова, произнося их на своем языке и на чужом наречии:

– Я люблю тебя, мой нежный цветок...

Ни он, ни она впоследствии не могли вспомнить, в какой момент его любимая полонянка поначалу слабо, едва заметным движением губ, а потом все сильнее ответила ему, чутко отзывалась на его ласки...

Земная любовь – бесценный дар. Никто не знает, когда бессмертные небожители соизволят и ниспосллют ее тому или иному человеку.

Любовь всемогуща и всемогуща. Она одна разрушает все преграды, разделяющие людей. Лишь она способна соединить вместе, казалось бы, несоединимое. Любовь сокрушает и самое несокрушимое и переступает через кажущееся исключительно невозможным.

Умирали люди, рушились великие и малые царства, выходили из берегов океаны, уничтожая под своими водами все живое. Но всегда и во все времена торжествовала над всем любовь, как бы и ни старались загнать ее в рамки приличий и условностей. Ибо она и есть сама Жизнь!

«Прости меня, мама! Пронзил тебя меч. Прости отец! Сражен ты стрелой. Вы простите свою дочь. Ваша дочь больше не принадлежит вам с того самого мига, как молодой булгарин со смертельно усталым видом пощадил ее посреди горящих домов.

Бог тому судья и свидетель, что я сделала все, что могла. До самого последнего я, как могла, сопротивлялась себе и своему бескрайнему чувству, проснувшемуся во мне. Но отныне я уже не принадлежу себе. Я люблю одного мужчину. Сильного и доброго. Простите вы меня и не проклиняйте. Я не только ваша дочь, я еще и женщина, женщина...».

– Я люблю тебя, враг ты мой дорогой и самый желанный... – едва слышно прошептали опухшие от поцелуев девичьи губы.

Утром при встрече с братом она безотчетно отворачивала в сторону свои горящие радостью и светящиеся счастьем глаза. Да вот Глеб сразу понял, что произошло нечто, что круто изменит всю их судьбу.

– Ты, ты... – не желая верить озарившей его догадке, вздрогнувшим голосом произнес паренек. – Настя, как ты могла? Ты предала память наших родителей! Я убью его! Убью его! – юношеские глаза запылали яростным огнем.

– Не смей! – тоненько выкрикнула она. – Не смей к нему, Глебушка, подходить. Я его люблю, понимаешь ты оное или нет? Он добрый, он хороший, он любит меня. Сие есть моя судьба. Сие есть мой земной крест. И иного для себя я не желаю.

– А как же быть мне? – растерянно произнес парнишка, плечики его потерянно опустились, спина согнулась. – Как мне жить в краю чужом?

В душе он понимал, что булгары – тоже люди. Давно уже по Руси шла добрая молва про волжских булгар. Обман и ложь считались среди них проступками вельми недостойными. Свято чтились ими все древние обычаи, строго соблюдались своеобразные законы чести.

В обыденной жизни они были безукоризненно честны и правдивы, особо почитали старших. Но ежели приходилось солгать и обмануть, выполняя полученное задание, шли на уловку, особо не задумываясь: честь воина требовала, прежде всего, успешного выполнения приказа. А за совершенный ими обман перед Аллахом всецело отвечал начальник, отдавший приказ. Военная хитрость, иначе говоря.

– Глебушка, – трепетные девичьи пальцы коснулись мальчишеской щеки, – пойдем со мной. Там тоже такие же люди живут. Авось и нам с тобой у них место найдется. И мы обречем себе новую родину.

Ушли в сторону болезненно-потерянные мальчишеские глаза.

– Настя, может, у него в Булгарии есть жена? Кем ты ему будешь? Ты про то подумала? – укоризненно спросил Глеб.

– Еще не успела, – глаза у девушки потухли. – Как я могла его про то спросить, если я больше двух слов из их тарабарщины не разумею?

– Зато я неплохо понимаю...

Утвердившись в своем решении, Глеб горделиво выпрямил спину, решительно отодвинул сестру в сторону.

– Я поговорю с ним. Да не бойся ты! – усмехнулся он, заметив, как испуганно вздрогнули пушистые реснички.

– Глебушка! – голос ее задрожал. – Я люблю его...

– Не трону я его. У меня все оружие давно отобрали. А в драке он меня сам согнет, – уважительно произнес брат, признавая недюжинную силу булгарина. – Рука у него, как у медведя...

– Да-а-а... – протянула она, вспомнив, каким ударом наградили ее саму при самой первой их встрече.

Наверное, чего-то подобного Ахмед уже ожидал, давно кидая свои настороженные взгляды в сторону слишком долго промеж себя горячо рассуждающих брата и сестры.

– Я слушаю тебя, малай, – легкая усмешка застыла на его губах. – Вижу, ты хотел поговорить со мной о весьма важном?

– Я убью тебя, если ты не женишься на сестре! – горячился Глеб.

– О, – усмехнулся Ахмед и повел в сторону парня изумленными бровями, – я слышу речь мужчины, а не сопливого мальчишки. Ты, я вижу, ничуть не боишься, что я прикажу придушить тебя, как щенка, и выбросить, как смердящую пададь, в придорожных кустах?

В мальчишеских глазах вспыхнул упрямый и непокорный огонь:

– Мне все равно. Без сестры мне не жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.